

Медерия как. температуры XVIII и начала XIX ст.

Самое независимое для Тюрмана понятие, самое позорное слово во устах всякого, «Серапионовы глаза» — фримерерство — у Тюрмана понятие очень широкое: во него заключаются и самодовольная пошлость, и чудовищная жадность, и эгоизм, и зрч. Бож. материализм, и все шибеллирическое фрор. материализм, и скука, убивающая всякую душевную жизнь и превращающая человека во машину, и педантизм, доходящий до того, что человек когда, не и выходящая и предположение делается по книге Ттомасичеа!

Фримерер родился во законном браке, отец „порядочный“ родилец, получает „приличное“ воспитание и образование, т.е. кричащая подавляет всякое естественное душевное движение, и думает, что при, кашу и что пришло; во школе без разсудения возбуждается масса неинтересных и ненужных фактов, знаменит позорить отец однако-же прекного гордится, получает установленный диплом и спешит создавать себе карьеру. Удвая дано молодости, отец может иногда и курить, но во коротком одице отца и приличных развлекать; во установленном возрасте отец выходящая, но и во любви не удается никуда, скучать выходя. Утроив свои дела, отец усиливает и плодотворно закинуть все фримереровы, как отец сам. Отец усердно слушает, или зорит; но никогда не увлекается делом из-за дела, а только из-за личной выгоды; отец и развлекается и поощряется искусства и науку, но не во вынужденному увлечению, а из приливия, из-за того, чтобы отец людей не отстает.

1) Christian Thomasius (1655—1728), современник Лейбница, написал, между прочим, „Discours, welcher der Fall sein Dittin Bonifacii im Criminal-Libell und die dardel nachhermal Fall“. Отец и первый канал во учебной реформе всего латинского преподавания в Германии. Отец был юрист — профессор.

Боюсь насматриваться для него значить иными устами
 и пережить сверхъестественно; Боюсь неслучайно значить
 озадачен за флагом в погоню за эмпирическими вы-
 годами и карьерой. Но, что признавая в эпоху фи-
 лмезерекать общезвонье чужое, есть только самодоволь-
 ная ограниченность; филмезерекать добродетель есть
 проявление себялюбия и пошлость только отрицатель-
 ный характер: филмезерекать не далаешь зная пошлость,
 что сураски его ничтожны, а обздание лишь выгодно.
 Филмезерекать насматривая общезвонье себе подобности
 на своих гаймане ветерана и в своих клубе,
 где люди только далаешь видь, что развлекающая,
 а на самом деле далаешь неизбежно сураски окурку;
 они насматривают и природой, но через по-филм-
 зерекать, в определенное дни и часы и в какой
 форме и форме, что это было и удобно и здорово;
 они любят зеленую пошлость, "что она полезна для
 глаз", любящая изобразить на окнах пошлость, что тогда
 "в комнате не надо курить дурачки". Для раз-
 влечения филмезерекать существующий и особая филм-
 зерекать поэзия — набор высокопарных фраз,
 продукция самозабвенного вдохновения и лиричного
 эссежа".

Самые высокие проявления душевной жизни
 в филмезерекать обусловлены эгоизмом и жадностью.
 Визит. Давушка любящая своего имени, "зачем как
 сь надобно же за кого-нибудь выжить замуж", все
 я мечтаю о будущем сводящая к красивому
 сергачу и к жужу "надворной советнице", все
 семейные добродетели — к заботе о моднице

Блюдады будущего мучна и безиндогомному разврату,
 ванисо пудрима. Студенцы нинезь воегорисениель
 писана своей возмодленной не позоку, что они въ
 саботы дили востлакементь любовно, а позоку, что
 обвогай зредучеръ, чтоби студенцы изъ дворами шивали
 возмодленничю и писали ей писана зубаки, заке
 те, какъ обвогай зредучеръ, чтоби они въ первое
 семезри своей универсизерской жизни пилы и бучь,
 пилы, а въ послание — бивали на профессорскиль
 вечеринке и готовилъ къ экзамену. — —

Кто не согласуея, что Филмезерезво, какъ его пред,
 сзавляють Торманн, серж национальное сокровище
 немецкой нации и что, разрушая ззоги чезойничивый
 миръ сакадоловсера, Торманн обисналь пренде всего
 своихъ созозерезветниковъ?

Но Торманн разрушалъ миръ Филмезеровъ воева
 не изъ ззраези къ разрушению, а позоку, что человекъ
 съ умомъ и сердцемъ задавался въ немь, да и
 никакъ не могъ чубервоваць себя въ немь диньери,
 желно сзаселубить. Къ зому же они не ограми,
 чивалей разрушения, а создавали одомвременно
 другой миръ, где основная проблема человеческой
 жизни — грежисение сзасидя — рывалает, повади,
 лому, какъ легко и проро.

Первое человие для зого, чтоби освободуеся они
 узкиль рамокъ обведенной пошлоси, и войди въ
 ззоги миръ сзасидя, по убьзидению Торманна — дозеси
 благозезивое позривеское насзросие (Ein Kind aus
 Fontana d'Antonia Gattini), зонько обладак ззими
 залисманомъ, лозно воруе, любовь людей и природу.

1) Ср. Der gold. Torf (Золотой торф) или Märchen vom Gold. Torf
 (Сказка о золотом торфе).

покинувшись поэзии; а покинувшись поэзию значить по-
кинувшись все, даже какъ поэзия есть высшее знаніе?

Мужская поэзия влечется съ гонимъ ея и высшая нрав-
ственнось; она можетъ исходить только изъ чистой
любящей души и до ней нельзя добраться никаки-
ми циническими чума! Платинно образцы въ поэзии
озондсервдерея прекрасное, невинное и нравственное.

Но Тюрмановъ вовсе не сдерживаетъ бдительность судопроиз-
водства въ архиепископство челоукоубства, посягнувшаго выше
всѣхъ законовъ и ипотоуццо исключительное право
на поубоуваніе счастья, какъ это дѣлали франціе, сардиніе,
романдуки, особенно Фридрихъ Шлегель. По удостоенію
Тюрмана право на счастье дано великимъ бичаковымъ,
но не все имъ поубоуется. Дѣти, исключая нрав-
ственнось уродовъ, облагораютъ гонимъ замечательнаго, коро-
внѣмъ оубривается нуръ въ царство поэзии, пока они имъ
вудъ согласно съ природою, которая для нихъ слушаетъ
и лучшими собраниями трудится и лучшей уживетъ.
ничей; имъ клоняются въ лесу березки съ ними
играютъ бабочки, и водеросъ и ручей разказываюу
имъ чудной сказки. Нюнома, который презиретъ съ оу-
кровоуыми глазами, невинный богаты и сасерливецъ,
когда бы у него не было гроша въ карманѣ, невинный
поэты, когда бы онъ не написалъ ни одной строчки
судиловъ; но горе ему, если онъ начнетъ судить
своими мечтаниями, если увлечется пошлыми удоволь-
ствіями и пошлыми индустриальными забавами объ
устройствѣ своей карьеры! Онъ скоро поуберетъ свой
замечательнаго и влечется съ другими филлистерами бу-
дущь сгизать будущими или, по крайней мѣрѣ, куда.

У См. "Соединеніе пѣвцевъ".

камни встать, кто осядет дождюи тьма душию, испол-
нень втори и любви; и просиивежь они вето жизнь
фривереромь и зорько развѣ передь смертсю, когда
ослаблужи фриверскій силы, они, камь Пладуче Гро,
кель, вепомнижь, что когда-то бѣли знакомы съ Венз,
внесернели Дидягелю и лезалъ съ нимъ въ царство по,
эзи.

Тюрманъ, сраго-буръ, указываежь средерво дѣ егасея,
складное съ зѣмь, до котораго додумался и Пьеръ Гез,
члѣи въ Воймъ и ниръ послѣ вѣдѣи свонь ду-
тевнѣи и фриверскѣи суррадѣи: паго оиреэирежь;
но дѣ Пьера идеаль пророжи - солдарикъ Пладуче
Каразаежь; а дѣ Тюрмана - ребеночъ, которѣи не мо,
смеръ ордѣлѣжь фриверскѣи оръ дѣтѣвнѣи.

Вели егасея доерунно великъ, зо вѣише Пладуче
весе ие прикладелиижь зворчалъ художниканъ. Юноша,
чубеэвнѣи въ зрѣи свей божесервеннѣи искру зворе,
срѣа, должетъ береть ея и лельежь велики вѣраки:
они не должетъ осянавливаежь ни передь какой
смертсѣи, ни передь какииъ челекнѣи зрудомъ и
никогда не должетъ приходить въ оградѣи: вѣра
и любовь скоро поможеть ему предолгожь, повидимому,
самѣи непреодолимѣи зрудомеи, и искусерво закъ,
тирь ему вето въ жизни и едѣлаежь его недосеруннѣи
дѣ суррадѣи. Дѣвнѣи, которѣи любилъ они, вышла
замужъ за другою; что за бѣда? Вѣдѣи они любилъ
въ ней свей идеаль, которѣи и зенеръ осяежь въ душию
его, и которѣи они должетъ перенести на другою, а зо
уловнѣи совозомѣи Пладучежь ему тѣрь никакого
дѣла! Бѣднѣежь змѣраежь его; но развѣ они не богаче

весьма богачей сокровищами своей фантазии и развить не все равно выпустит, что я итак это итак, и итак? Это на самом деле двалти? Да она и не будешь замечать этого, живя в поэзии, где священное созвучие весьма успешно оживает, как и влюбленность зайца".¹⁾

Все это — основная коллотия романтического мирозерцания, но приведенная во сферу и осво. быденный дух пикторный крайностей. Такими же усовершенствованными романтическими является Гоф, маня и в своем чужо литературном воззрении и приемах.

Она историк, проводник "чуждого колорита", и реалист на особый манер, и тонкий психолог. В глубине средности восточной она существует неодо, но, потому что при зоркости восприятия она не могла само предсказать ее себя; но конечно и в эпоха реформации и возрождения, для него как родины; "Märchen vom goldenen Topfe" (мастер Мартина и его подмастерья) — такая живая и содержательная картина нравов, что думается ей равняться зрелищу немецких лучших романов Вальтера Скотта; ирландские нравы и ирландская природа так вторно и так схвачены, будто она произошла в Ирландии дважды и так. Но она маэзерский цюдра, маэрь и эпоха Людовика XIV, столь антипатично романтически: роскошь, любовный интриги, увлечение к ерничеству, общая галамусея, но при этом и казни, позорки и грубая впра в колдовство воспроизведены с поразительной конкретностью.²⁾

Как психолог, Гофманн описывал себя

1) "Märchen vom gold. Topfe".

2) "Fräulein von Soudery" (Давица Скюдери).

особую область неопредetermined чувств, неясных ощущений, необыкновенных ощущений, как бы влечение, слияние влечения, страстного и зрительного. Это напр. подробно излагает ощущение человека, судящего в буднично зеленого стекла; у него доминирующая сила гораздо больше руководящая влечение обоняния и слуха, нежели зрение и осязание; сон, галлюцинации, безотрадный страх, привидениями самими, побуждениями, обыкновенными фразами, потерей душевного равновесия, свободные мысли его психологически к зрительности. Подобные эти же мы встречаем и у других романтических, но у Тюрмама они глубже и увлекательнее, зрительные больше, что всегда облекается в изобразительную, поэтическую форму. В зрительности Тюрмама умножается дерзая вдали от сантиментального; она затмевает самую тонкую струну человеческого сердца, но она также искусно и пышно, что не только озорует гитарой, сколько припрядает его с человеческой непосредственно, вазельностью; любовь матери к уроду ребенка, символы воспоминания одинокого старика о всемогущей гонимой дочери, горе художника, который принужден обра- зиться в ремесленника, вурлога молодой женщины, мы с человеком, которого она займо отъ всегда любила больше всего на свете; возм на чужие мы, быть озаглавивается Тюрмама. у него и можно найти сцену, которую так охотно воспроизводит Дюроуевский: сходятся две женщины, влюбленные в одного человека, и в конце того, тогда говорят друг другу неприязноты, дружески обидительно, соединившая обидные чувствования. 1

1) См. „Роковая связь событий“ (Серапионовы братья).

По А. Куринскому вообще между Тюрманом и Дзержинским много сходства как во взглядах, так и в литературных приемах. Оба они одинаково любят души и чужаков, и не любят колдовство, сдержанности сплетенья, прилив и поклонников успеха; оба преобладают неодолимо природу на сего курьезу; оба признают разницу между сердцем; оба зовут французов и чужаков, а не чужаков (оного у обоих есть вероломная неослабываемости и недосказки); оба в повествовании усласто любят неослабываемости, у обоих крошка пидмидь внезапно сменяется порывом всеуничтожающей бури и на оборот; знаменитое: „зубо произошло нечто собственное неослабываемости“ Дзержинского гасо дословно повторяется у Тюрмана. Тюрман и Дзержинский одинаково любят сопоставлять высокое трагическое с мелочным и обидным и через то представлять оригинальное соединение крайнего идеализма, безусловного господства духа над материей, с реализмом.

Тюрман является реалистом главным образом в своей французской; он снисходит даже амальгаму сверхъестественного с обидным необходимой для того, чтобы это сверхъестественное казалось выродившимся. („Основание подполья, на котором французы хотели взорваться, должно быть непременно укреплено на реальной почве земли, чтобы на нее легко могла войти власть за автором всякий“, говорит он в Серапионовых братьях после рассказа: „Выбор невесты“). В виду этого глубокомысленного принципа, у него привидения принимают телесную

У С. п. „Выбор невесты“.

камни, фен угрожающей коже, колдуньи зоргуночь адлоками
и пиротиками, герцоги и графы обобщающего царства
решимей звездочками и кладурей въ сунь; спонзиримей
башмаксь разгоняеь врасидебнуго герого армито и р. д.
Крайнейя прозаминоеь ильнецкой ринзми дльидеь
сторенскима фюномь, на которомь зголь рюже въ,
дльидеь яроеь красоеь Тюрмановой францауки.

Какъ ни изумительно свободна и изобретательна
французскя Тюрмана, все же въ основннхъ мотивахъ
своихъ сказокъ онь ограси воляно, отпласи невольна
сходится съ сказками народными; герои ^{его} такие же ка,
дичиисей дурачки, исполненные вторы и самопожертво-
ванной любви; героини — закалдованной красавицы,
или проецилки, награждаемой за доброу и преданноеь;
основная форма ведеть добывание неволеы или мучна,
основная мораль: тогда достигнешь славы, надо бороться
со зломь, трудиться и не жалеть себя. Въ „Сказка о
золотомь горшкѣ“ мы имеемъ зему царевны-звѣйки,
которая похощаетъ своею волшебнойю исполнять
трудная задачи; въ „Щелкунъ“ — превращеннаго прин-
ца, который долженъ быть освобожденъ самопожертво-
ванной любовью, въ „Крошкы Шахеса“ — видоизменъ,
немного зему сказки о судьбѣ и т. д.

Но существенное отличие сказокъ народныхъ и
сказокъ Тюрмана въ томъ, что первая прозвучала,
галочъ себя дльидеьствоеь, а последняя, напроивъ,
желаетъ слухся съ нено въ одно неразрывное цѣлое,
украшая ее и просвѣщая, и въ свою очередь при-
способляя къ ней. „Попытайся, благосклонный
издатель, говорить Тюрманн: узнать знаковые образы,

1 См. сказку „Nimknacker und Mäusenkönig“ („Щелкунъ Ореховъ
и Царь Мышей“).

окружающие себя во обведенной тьме, — во волне, помы царевны, непонятно чужд, который то дозавидованье нежданным наследием, до погружа, пох в глубочайший умас, во зомь царевны, где су. ровая богиня поднимает край своего покрывала, при чем ея суровое лицо озаряется улыбкой и она шуршит съ ками, какъ пыльная лань съ дугами.

Это смятение обведенной действительности съ нестрой французской дадея полную свободу знамени, дои романтической прокии, которой совершенно чужда здоровая народная поэзия.

Воднее нушно замечать, что сели Гюгмань, рудо, водный искусство своего ума и творчество чувства, сазуство нуботы нуботориче крайностей школы, все же они во сущности вполнот последовательный ии, шеккии романтически во своите недоезывать, какъ и во своите дозоемзывать, только болше даровуемъ, чомъ друге.

Пресиде всего это превознесение прекрасного надъ изрививомъ и полезновомъ еезъ характерная черта романтического мирозерцания. Искусство, по его убеждению, выше всего на свете; оно ищетъ цоль только въ самомъ себѣ; первое условие его — полныймаъ свобода оуъ всякой зависимости; только во законъ слуга оно можетъ согреть сердце и благодетельно возбуждать духъ (Das erste Bedingung alles Dichtens und Trachtens ist eben jene gemüthliche Anspruchlosigkeit, die allein das Herz zu erweichen, den Geist wirkend anzuregen vermag. ^{См.} Конечь Сераки, основанъ Брагсера).

Мезинное искусство не только выше прозаической пользы, Богити Фриммерова, но несравненно выше и науки; искусство пѣтъ открываетъ мезину въ цѣлость, а наука — только въ частностяхъ, а освѣщеніе частностей часто лишь осветляетъ наши глаза и придаетъ пѣтъ сомнѣніе, которое мѣшаетъ ясности нашего пониманія. (Простыице до того насъ про- свѣтило, говоритъ Тюрманъ въ Непустоверномъ Вудри, что мы советамъ ослѣпимъ — отъ его бѣска и пазыка, елей на каждое дерево). Признается, это очень на- глядное указаніе на связь романтизма съ Руссо).

Мезинное искусство, по Тюрману, не только не шло, суръ ничего общаго съ земными пѣтъ въ ри- сованіи, музыки или сриковоревѣ и съ прозаиче- скими произведеніями того, что дозримо губевалъ тоны, но часто прямо прозвучно позито ану; зоръ, ко, уставая въ земныхъ, воображаетъ себя художникомъ, давшие отъ цѣли искусства, пѣтъ великій неспоречивый ребенокъ или юноша, который, ко, мнудали спо, собенъ вознесетъ надъ помлоу дѣйствительности.

Мезинный художникъ долженъ творить для искусства весьма озрачивомъ, не исключая и слаеихъ сакавъ близкихъ людей. Онъ пубранникъ пѣтъ, но онъ и мнечникъ своего призванія; для него не, дозримо челоаческое счастье: если онъ любитъ мнечнику, онъ не долженъ стремиться къ обладанію его: идеаль, едалавиійся законной мнечной и хо- здѣйкой дома, пересажетъ взглядомъ его, потому что падаетъ съ своего пѣтъ вѣтъ въ грядъ обиден- ной помлоу; мнеч-художникъ вознесетъ надъ

и заигрывает как с собой, так и предметом своей любви. У
 здесь очевидна связь Тюрмана и его средневековья
 обогатилась эстетизмом и его идеей Ваккерродера
 о монашеском аскетизме, как необходимом
 условии истинного искусства.

Истинный художник озорван заклинанием образов
 от здоровой действительности. Он живет в мире
 сверхъестественных наслаждений и сверхъестественных,
 как и страдания и страха, и задача его по озору,
 именно к другим людям — освободить их от
 оков реального мира, угрозы им до слез и ужаса,
 как и до душевной боли; только счастливый вымысел,
 сила заставляющая нас блуждать, так и больше, ерза-
 бить, в нем истинной поэзии. Средство для испол-
 нения задачи — поэзия или поэзия, которая доходит,
 ее только хоронит вымышленными приемами.

(Таковы приемы, между прочим, сужается виле,
 земля одного вынесла в рамку другого; тогда рамка
 по сравнению с безавного повествования кажутся
 действительности. У Тюрмана, как и в восточных сказоч-
 ников, в безавного повествования виле сужается иногда еще
 рассказы, так и получаются двойная поэзия.

Во повести „Тайнственный Торг“ Тюрман повеству-
 ется зрелище приемов для вымышленной тройного ужаса
 характерно: одно из действительных лиц рассказывает
 сравнительно коротко и прерывает ее на слова: „Сущи-
 ный удар в запертую дверь раздался ему во отворе“...

„Как раз в эту минуту сорвалась с крючка, под
 зорго заклинания не ударов, и дверь комнаты, где си-
 дало все общество“.

1) См. Тезисы в церкви.

А во то время, какъ Омаръ читала Веранковичи
 брались это дело своей повести, въ славной бесѣдѣ,
 где сидѣли друзья, съ дрескою распалкились отъ
 половинки дверей и вошла земля, закудривая
 въ широкій плащъ фигура.)

Зрѣлище приводитъ изъяснѣ въ зрѣнѣ, втора въ
 судьбу, въ господство какивъ-то мрачныхъ силъ надъ ге.
 ловникомъ сего несомненно французская, земля
 сторона поэзии Тюрмана. Другой ее недогадки осо,
 бѣнно ярко высунута при сравненіи Тюрмана съ фран,
 цузскими романистами, которыхъ объективно ея,
 вѣдь въ непосредственную связь съ ними и которыхъ
 тѣмъ-то ближе подходитъ къ Тюрману, несли
 къ Шлегелю, Шпеню и др.: у французскихъ франца,
 словъ всегда бѣгая мысль, всегда видно ея,
 сѣвъ къ угнетеннымъ, желаніе исправить дурные
 люди; Тюрманъ же будо гордится своей полнотой бозъ,
 краснотой къ социальнымъ вопросамъ; его анги,
 назидъ къ землемѣрн переходить въ возмущенной
 въ законъ символъ человека къ жизни. Это, суще,
 существующее въ мирѣ, будо предвѣщаетъ ему непопра,
 вынужденъ даже въ газетныхъ, какъ какъ судьба чело,
 вѣка не во власти его самого или его ближнихъ,
 а завися отъ земныхъ силъ, нами управляющихся.
 Лучшіе люди черезъ уходять изъ этого мира въ фран,
 ны горятъ и стонуть отъ на насъ малый бѣдъ,
 сѣвъ, какъ Боги Олимпа. Надъ управлениемъ не,
 годя въ безпомощно зрѣнѣ: каковы въ коллѣксу,
 законъ и въ пошлѣ. Да и вообще эта жизнь ели,
 кони мелочна и низка, слишкомъ полна отъ.

мановъ, чтобы сродно надъ ней серьезно задумывался. Такимъ образомъ романъ Жюльетты Торфмана переходитъ въ байроновскій пессимизмъ.

Торфманъ и Байронъ слишкомъ неравномерно велики, чтобы сравнивать ихъ въ целомъ; но само, сравнение ихъ въ одномъ частномъ пунктѣ поэмы безъ не лишено поучительности. Повторяя Торфмана „Донна и догаресса“ („Doga und Dogaressa“) вышла ^{въ} первый разъ въ 1819 г., стало быть, подвигаясь совершенно независимо отъ Марино Фрамбери. Состоитъ однимъ и то же и разра. Дога въ обиходу поэтамъ въ одинаковой степени; они сошлись въ томъ, что жена дога невинна и это было клеветниче; стало быть, не ревность подвигла сразу дога къ возмущению; но затемъ какая разница въ образахъ! Байронъ выдвинулъ впередъ политическія мотивы; Торфманъ совершенно историчируетъ и говоритъ о возвращеніи замка милоходомъ, такъ это издано вовсе непонятно, почему Фрамбери, въ его изображеніи довольно чудной и нелогичной сарказма, рвали сразу во главу демократической партіи. Древняя римлянка и догаресса у Торфмана — сатирическая, добродетельная и довольно безцвѣтная итальянская дѣвушка. Но за то какими арабскими романтическими красками раскрашено отъ эту негальскую негорию! Золотъ и дѣвская любовь двуръ суровъ, на всю жизнь оравляющая му. Дикій слѣдъ въ сердцѣхъ ихъ, и кровь оуца, кипящая въ свѣту, и полусуднае медная пророчица — колдунья, и веселая жизнь венеціанекитъ гонимыхъ, и мезаніе по канару съ вершиной св. Марка, и двѣ сраш, подъ бурю, и небесная кара за беззаконничество, корд

и поэзию любви! Короче скажем, здесь нестрашная поэтическая сказка, которую издает, наклонный к геттеринскому, пологизму, не отрубается, и в конце которой отъ погуб, съездъ диллюю, но тельдизую зреть, а у байрона - вели. кавад зреть, взривающая кь благороднѣйшимъ соро, кавъ теловоческой природы и возвѣщающая друц ги. фазель до пониманія перитнаго герондла.

Другой знаменитый атлантаинъ, въ коровилье Тюр. манъ съодуезд по суремленю воспроизводитъ мьезувий и пергорическій колоритъ, Валсера. Сквозь предзавлѣдъ еще болше дряку ему прозвиположиоетъ по зретьеви своего взмѣда на синзю. Среднѣ вѣка и эпока воз, розиденія у ободѣ погубъ подкрашены; но у Скруза и самыя поэтическя сцены выходятъ закъ реалскы, будо отъ сорографированн въ синзю, а у Тюрмана и самыя прозаическя, въ родѣ пирциски въ доктѣ богара, изображены закъ, будо пропеходятъ не въ дѣй, сурьельскоетъ, а въ сонномъ вѣдѣнн или на оперной сценѣ; одинъ и поэтическое прошло сводитъ на замло, въ современную ему Шозландю; другой и современ, нуо ему мьозанскую синзю Тюрманн возмощитъ въ заоблачнѣ сферѣ романтическѣ французскѣ.

Но закъ или иначе, Тюрманъ - одинъ изъ великай, кинтъ германскѣ погубъ; отъ погубъ французскѣ, симвоисецъ невиднѣаго вьурреннаго мѣра, дѣновн, дѣцо займьсрѣтнѣа силъ природы и дѣла. Французск, теское ездъ предчувствѣ займьсрѣа синзю; французское ездъ одинъ изъ необходитѣйшимъ элементоъ богатоу позурѣ, для погубѣ сказкѣ залко въ вьурреннѣ синзю. Совершенно оригинальнѣа и самодѣлннн дѣлѣоудел

произведений Тюрмана. Они относятся до нашего времени
представителей французского эллинизма в литературе.
Зурь. Во все время, как и у других писателей французско-
исское эллинизма только как внешняя оболочка для
аллегорий или нравочений, у Тюрмана — стремление
к эволюции роду создавая одно из замечательнейших
поэтических свойств его духа, создающего целый ряд
явлений и факторов, хотя не существующих во всей
существовании, но тесно с ним связанными. Все-таки
Тюрману должно признать (если не пошлую
повествовательность и ее допустить писателей предшествен-
ников) В. Скотта¹ и Купера², которые по своему и в полном, востор-
жении, в смысле романтического взгляду на жизнь заслуживают название представите-
лей разрывной дилеммы существования.

После освобождения Тринадцатое столетие к современности.

Если XVIII-й век Хорталь изложил своеобразие
своего, «генетический» наций; если Вилхельм ван дер Хаген
этой точки зрения относительно древнего искусства;
если Кристианов-Торлоуб Теитце (Теитце) перенес идеи Вил-
гельма в филологическое университетское преподавание;
если Гердер вводит понятие различия про-
явлений народного характера и при этом уже думал
о языке: то Вилхельм Тумбольд продолжал по-
добные взгляды, которые стали для его друга Вольфа
основой изложения науки о древности и через это осно-
вой нового понятия филологии. Филология в смысле
Тумбольда есть наука о национальности. Теперь наука
именно видела свою задачу в полном исследовании
всех сторон национальной жизни. На ряду с греками
и больше греков немецкими учеными представляется

1) 1771 — 1832.

2) северо-американский писатель — подполковник В. Скотт — James Fenimore Cooper из Виллингтона в Нью-Йорке (1789 — 1858).

3) Фр. Шлегель дел Готескен (сестра Грета).

соборвенная народность. Слово „Volksthum“ („народность“) отпечатались „Taschenrechner“ Fahn, когда издали книгу о немецкой народности. Немецкая национальность и ее озвучивательские черты были той задачей, о которой говорили Фриде в своих „Taschenrechner“, задачей, которой много занимался Эрнст-Хорнц Арндт, поэт, основоположник и другие люди дала. Мысль была в нем. Они идеализировали безразличного измывателя. Они принимали извращенный человек за целое. Но протестующий образ нации, который они носили в сердце и сообщали своим корреспондентам, был громадной правдивой силой, на которой во времена Боденштрэме опирались мученики, надежда и сила сопротивления. Космополитизм всегда озвучивал назад и на его место получала силу национальная точка зрения. Тем самым, те немецкие политологи и экономисты начали сначала на первом плане озвучивать интересы. Немецкие перо, рики и словесники (перо и литература) соперничали в озвучивательстве измывателя и карикатуры из немецкой жизни в начале времени. Но период литературы, того процветания представляли свои права: литература, но измывательство было сильное пероральное; пероральное, которое в национальном направлении не могла указать ни одного такого лица, как Яков Триппель, и измывательство измывателя немецкой политической пероральности до сих пор не могут соперничать с пероральностью немецкой поэзии Георга-Вольфганга Бернхардта, начала которой являлись. Перед три года спустя по смерти Тейе и которая создала, есть как бы эмблема нового извращенного периода немецкой поэзии.

Поэты освобождения.

Образения к старо-германской поэзии и прозе, как и раньше находилась у Тика и особенно Шлегелей, и наиболее последовательно и плодотворно у Фрау, рина Шлегель; но другие писали на языке поприще романтический стиль. Мы находимся никак не в немецкой, а в бодрой, непосредственной, энергической и особенно в патристической поэзии: как писала Вильгельм Шлегель в марте 1806 г., указывая на произведение Гюльке трагическую, праздную фантозию, как и выводил, так и в его сочувственном кругу. Боже мой, — продолжал, — поэзия должна бы советовать уезжать красноречиво, пока наша национальная самолюбивость, по крайней мере, самое существование немецкого имени, находится в такой стесненной опасности. Эти слова выражены в поэме пророка об Эрнсте-Хорнхольде Арндте и о других поэтах освобождения.

Для Германии наступили более дурные дни, чем когда-либо, как и некогда переживала «прусская гренадерка», и раздалась более энергическая поэзия, так и как и она могла написать. Были все условия для великой патристической поэзии: патристический язык, подвиги на высшую судьбу и образованный для великой судьбы; стилистика патристического штильба, которая перешла от классиков к тем же ученикам; глубокая народная горе, борьба подвигательная, не зависящая от подвигателя; у нас, мы же, насущный забор; надежда и вооружение; наконец спасение, блестящая месье, чудесная подвиги, безмерные герои.

Прикрасно и чрезвычайно, если хоть давай поэту

Даръ выразилъ свои сраданія. Но разве не прекрасное и божественное даръ влагае въ уста отчаявшагося народа, отътопавшаго въ своей мукѣ, тоскѣ, подлѣ, шатающаго его сердце и воспламеняющаго его къ новѣльнѣмъ подвижаньямъ?

Бездмерный срихоторецъ тасемъ, Тере, не обла, данъ зрѣль даромъ. Авзоръ „Термана и Дороженъ“ бѣль дасне зенеръ одимъ изъ зѣль маловѣрнѣль, которѣ срихотъ гениъ завоевателъ (Наполеона) непреодолимѣль. Болше молодые поэты попробовали зо, чего отъ не едъ, лавъ. Отъ 1806 до 1815 патриотическое срихоторство не прерывалоеъ, а въ 1813 и 1814 дозрѣло своей верши, ны. Алимъ фронтъ-Армимъ печально и зѣльвно востомъ прусскій поразилъ. Тенрихъ-Фосеръ фронтъ-Коллимъ издалъ въ 1809 г. авзурѣскія тѣснѣ вонка („Wehrmannslieder“). Фридрихъ Шлесель восклицалъ: „Да будеръ мое сердце и моя кровь посвящена звоему спасеню, мое оженеъво“. Тенрихъ фронтъ-Клейсхъ высказалъ безграннѣ, нуо ненавистъ въ уснастѣль, бурнѣль слобавъ. Ва, фронтъ Фридрихъ дела-Коррѣ-Фукъ написалъ въ 1813 г. военную тѣснѣ для добровольнѣмъ срихотковъ: Шиво въ веселю погоню: („Fisch auf dem fröhlichen Faden.“).

Но несомнѣнно и несравненно болше видное учасзіе въ войнѣ за освобожденіе принадлежимъ мирикамъ — пѣвцамъ войны за независимоеъ — каковы: Максъ фронтъ-Шенкендорфъ, Теодоръ Кёрнеръ, Августъ фронтъ-Шлегельманъ, Брандъ Фроллемъ, а между ними первое место несомнѣнно принадлежимъ по силѣ краевѣннаго губеъва и влѣднѣно Арндту, которѣмъ, благодаръ природной девоери чѣла, условѣль своего

развитий и характеру дворянского общества считать извлекать из романтической все лучшее, прогрессивное, восточное и осуждать свободными духом ветхости его нездоровых увлечений и крайностей.

1769-1860.

Эрнст Карл Фридрих Арндт (Arndt) родился в 1769 г. в Померании, в ^{департамент} Морнице на острове Рюген, который тогда принадлежал Швеции, в деревне и благоустроенной семье, глава которой вывел из крепостничества, мать поэта считала вложилась в сердце сына евангелия глубокой веры и строгой нравственности. Он учился в Штральзундской гимназии, а потом в университетах Галле: Триеревальдском (1791-93) и Зенском (1793-94), где занимался богословием и философией. В Зене в то время преподавали французский и переводил молодого поэта в Везер. Арндт в юные годы передил начала романтики. Но он был «сильней», как в то время старо-немецкий язык, или обидели это словами, которыми он сам изредка употреблял (от Марк Корнелия): „der auf ein Gefühl, ein Ziel alle Kräfte mächtig stellt“ (словами, которыми для одного чувства, для одной цели отдается весь силы). Окончив курс наук он был в то время в Везере домашним учителем на родине. Потом он пошел обучать знаменитую часть Германии, побывав в Австрии, Венгрии, в Париже и даже в Индии. В 1800 г. он занялся приват-доцентурой по истории и филологии в Триеревальде и своим знанием философии привлекал массу слушателей. В 1806 г. Арндт был избран экзекутивным профессором. После службы у Демме он поселился в Швеции, где служил около трех лет.

Оскорбившись неприязнительными отзывами какого-то шведского офицера о пылкости, онъ вызвалъ его на дуэль — и бойъ здѣшено ранено. Исправившись отъ бо- лѣзней, послѣ надеждъ Фридриха IV онъ отправился въ Германію (въ Пруссію), но послѣ Гемского погрома, опасаясь преслѣдованій подданности французовъ за свои нападки на нихъ, онъ поспѣшилъ удалиться назадъ въ Швецію. Наружная съ 1812 г., предъ нимъ оз., кровавая плодотворная полувѣковая эпоха дворянъ, поэтъ. Много въ это время его вызвали въ Потсдурга знаменитый фронъ-Штейнъ, находившійся тогда въ Россіи, гдѣ изыскивалъ средства для борьбы за освобожденіе Германіи, изданный дворъ Александра I базисомъ своей операціи противъ Наполеона. Штейнъ хотѣлъ восполь- зоваться Арндтомъ, какъ орудіемъ для возбужденія въ общесуевномъ мнѣніи озерсва Эстерн и энтузіазма, необходимыми для него, въ виду готовившихся событій. Послѣ гибели „великой арміи“ Арндтъ выехалъ съ Штейнова поспѣшилъ въ Германію (въ 1813 г.) и своими фронторами и пылкостью счарался возбудить нѣмецкій народъ къ „свѣденной войнѣ“ противъ угрозителей.

Послѣ возвращенія Наполеона съ Эльбы, Арндтъ сей, какъ же поспѣшилъ на Рейнъ (въ 1815 г.) и въ Кельнѣ сталъ издавать полувѣковую газету „Der Wächter“ („Суровый“). Послѣ заключенія мира, онъ занялъ кресло профессора университета въ Боннѣ заня кресло новой исторіи (1817), но не долго удержалъ ее за собой. Арндтъ былъ горячимъ патриотомъ, искреннимъ монархическимъ, но въ то же время и пылкимъ либераломъ, защитникомъ свободы совѣсти, слова и личности и брагомъ неравноправности.

Немного прошло времени и она была занята
 в несчастном стодневии о демарше; после пре-
 словутого удивления Коцебу в 1820 г. все бумаги
 Арндта были захвачены и она сама отправлена в
 доминскую, озданов под суд и, хотя сохранила свое
 звание, но была лишена права читать лекции.

И в законе двусмысленном положении она оста-
 валась не болтая, не меще, как в 1820-1840),
 учиться могла лишь, когда ему захотелось
 работать для немецкой молодежи! Но Арндта не
 была в отпадении и безделье, и спешил ее
 обществу посредством печати. Понско король
 Фридрих-Вильгельм IV исправил несправедливое.
 Одними из первых актов его царствования было
 восстановление Арндта в правах его. Это возвра-
 щение на кафедру в Берлине было зримым, ко-
 роту сочувствовали все лучшие люди Германии. Ва-
 рфракция училась еще с 1840-1854 года; в 1841 г. она
 была избрана ректором. В 1848 г. она была деу-
 жана во Франкфуртском парламенте, и когда она
 в первый раз появилась в собрании, многожен-
 ная группа лучших людей Германии приветствовала
 ее почтительным знаменитой ее почтой: Это закон о-
 тсюда вытекает? (Вот же та Вильфрид Витенберг?) и при-
 несл ей горячее благодарное за содействие
 этого народного гения. В парламенте Арндта
 действовала вполне независимо от партий, искрен-
 но и обдуманно. Она была удостоена, что во гла,
 во объединенной Германии должна быть либераль-
 ная Пруссия, король которой должен избраться в

императоры. Когда онъ, вместе съ другими депутатами, отправился въ Берлинъ поднести императорскую корону Фридриху Вильгельму IV, ему по всей дорожке устраивали овації, и всеявнѣйшій массы народа растовали его гильотинѣ. Торжко было 80-лѣтнему идеалу между разогарованіе, которое въ слѣдующіе дни и мѣсяцы использовали германскіе либералы и рочно фрлѣровѣ подѣрнуло оно послѣдніе годы его жизни, но онъ продолжалъ энергично работать; онъ жилъ до 1860 года, свѣтлый и веселый до конца; 26 декабря 1859 года по поводу 50-лѣтннн его рожденія, ему устраили рядъ овацій, а герцога Мекленбургскаго (29 янв. 1860 г.) его уже не было въ шибвѣ. Онъ умеръ въ Боннѣ.

Первыми сочиненіями Ариджа были: "Путешествіе по Германіи, Венгріи, Італіи, Франціи", "Исторія крѣпостного соедошнн въ Покераніи и на Рогенѣ" и "Духъ времени". Въ первомъ сочиненіи: "Reisen durch Deutschland, Ungarn, Italien, Frankreich (1798 и 99 г. 4 части)" онъ, точно и ясно описалъ свои впечатленія, что доставило ему многолетнюю извѣстность. Въ 1802 г. онъ написалъ свое второе сочиненіе: "Gefährliche und sehr wichtige Schrift in Rommeln und Rügen"; многие дворяне были очень недовольны этого книгою, написанною въ защиту права крестянства, и обжаловали Ариджа передъ королевѣю, но розъ разобралъ дело въ 1806 г. уничтожилъ крѣпостное право въ своихъ владѣніяхъ.

При заключеніи мира въ Мюнхенѣ въ Ариджа проступилъ патриотическій гнѣвъ; въ 1803 г. онъ писалъ,

подъ заглавиемъ „Германія и Европа“, о политическомъ
положеніи 1802 года; черезъ три года отъ начала свой
„Geist der Zeit“ (Духъ времени), первый томъ котораго
вышелъ въ 1806 г., а остальные три въ 1809, 17 и 18
годахъ. Оба послѣднія сочиненія обратили на себя
вниманіе и содѣйствовали пробужденію въ народѣ
національнаго духа. Между тѣмъ губерво парижскаго,
развивающагося лозанн, доурило въ нѣмъ крайнѣе
предановѣ и, сдѣлавъ его раздразничившимъ, нерѣдко
добудило до непріязнивыя сужденія, напр. до
дуэль. Когда-то Арндтъ благоволилъ передъ генералъ
Наполеона, но послѣ пораненія Австрии и захватъ
Пруссіи отъ возненавидѣлъ его, какъ зирана Герма-
ніи и Европы, и свои мысли о его преобладаніи
выразилъ съ блещущаго убѣжденностью въ первой
части своей книги „Духъ времени“. Императорское
правительство не могло оставитъ въ покоѣ такого
даровитаго прозвѣстника, и Арндтъ, какъ уже знаешь,
долженъ былъ бѣжать въ Швейцарію за нападки на
подданновоенныхъ французовъ въ своемъ „Духъ времени“;
и въ 1812 г. вытѣрся съ барономъ Штейнотомъ берунна
на службу европейскаго возстанія прозвѣстника Наполеона.
Тогда появилось много его брошюръ: „Katechismus
für den deutlichen Feind- und Aufstand“ (Катехизисъ
для нѣмецкаго воина и волонтера)¹⁾; „Was ist die
Landswehr und Landwehr?“ (Что означаетъ народное опол-
ченіе и земское ополченіе?²⁾; „Der Rhein, deutsches
Staat, нѣм. deutsches Franz“ (Рейнъ - нѣмецкаго рѣка,
но не нѣмецкаго франца)³⁾; „Von der Rheinprovinz
Preussens“ (О рейнской области Пруссіи)³⁾ и многа другія.

1) „Geist der Zeit“ (Мюнхенъ 1807 г.; въ 1877 г. было 6-ое изданіе).

2) илл.: „Katechismus für die Rhein- und Landwehr“ (Катехизисъ срусскіи
анекдоты соудачъ, Берлинъ 1813 г.).

3) „Rhein- und Landwehr des deutschen Volks“. Мюнхенъ 1814 г.

Мелодия поэм. литературы первой половины XIX в. века.

Весь киндэр симулько и огнемь, встарой и надеждой;
первад особенно грандиозна своимь библейскимь по-
вьервоваженскимь и пророгескимь романомь. Весь непол-
ненькь воссорменнымь озномененькь къ Пруссии, которая
Арндт била всей душой предава, созь родилсь на По-
лень, роида еше шведскомь. Около зого времени оны
написалъ свои мелодии поэмь" (Fringel und Marolden.
Фрф. 18152.). Въ его услугамь било много фронтъ,
оды, гимны, сонеты; но немецкихъ героев, Шмидт,
Дёрнберга, Гейзенгау, оны воспевала въ своемь старомь
недорослескомь народномь поэмь. Напр., поэмь о
Шмидте ("Lied vom Schill") начинаеться:

Es zog uns Berlin im kühnen Feld,
Es führte uns zum Antan ins Feld.

Арндт много разъ начинаеть вопросамь: "Was ist des
Deutschen Vaterland?" (Что такое отечество немцевъ?).²⁾
М.м. прославилъ Мартинорожа, какъ оруженнаго
надежа немецкой свободы: "Wem gebührt der höchste
Preis?" (Кому принадлежить высшая награда?); или
въ поэмь къ Блюхеру ("Lied vom Feldmarschall",
1813 г.): "Was blasen die Trompeten? Hosianna kessant!"
(Что зрубятъ зрубы? впередъ, гусары!). Лейнингъ,
свое сравненіе оны описала на матерь старо-немец-
кой тинльшманеской поэмь, въ вопросамь со со-
роки осидатонцамь и въ озвездань воевника. М.м.
по старо-немецкому образцу оны начинають пою-
гилельмовид изреченія: "Deutsches Herz, verzage nicht"
(Не убивай, немецкое сердце). М.м. въ вопросамь,
ной фронтъ: "Wem ist ein Mann, was beten kann" (Кто

1) "Lieder für Dänffer" (Брэг 1813), "Fringel und Marolden für Dänffer"
(Фрф. 1814), "Dänffer Marolden" (Земль м., 1814 г.).

2) Эта поэмь почти единакостъ старая немецкая марселлоид (1813 г.).

музыка? Кто померз молиться). Это писалъ
 какъ бы образно не только народный поэтизм, но,
 доброды, прощальныя и конвентуальный и въ прозе была
 благосеиельна обращалъ въ молитву къ Богу. Также
 писалъ это прекрасныя общенародныя и заставь,
 нѣтъ песни и, какъ болѣе зрѣлый выучка Тейхманъ,
 генскія „враговъ дурановъ“, это написалъ погу,
 мезеузенный хоръ, „Vaterlandslied“ (1812): „Der Gott,
 der dich wachem liess, der wollte keine Knechte“ (Говоръ,
 который далъ роуди телоту, не хотѣлъ, чтобы были
 раба). Патриотическя поэма Арндта представляется
 охъ одного края Германіи до другого и эпическя.
 поэтъ поэма была весьма велика.

По убѣжденію, Арндтъ былъ монархическя и поощря
 для своего отечества желалъ возстановленія имперя,
 зорскя власти, подчиненія ей вѣдѣ германскія го,
 сударей, цезарейства общей арміи, филоза, судавы, конекъ,
 мыры и вѣса и конституціоннаго правленія во вѣдѣ
 отлаждѣ едикомъ Германіи. Подробное изложеніе
 вѣдѣ политическя и гражданскя реформы, кото
 рой Арндтъ считалъ необходимымъ для Германіи,
 находилъ въ его книгѣ: „Ueber künftige ständische
 Verfassungen in Deutschland“ (О будущемъ состояніи
 суротъ въ Германіи), издавннѣ въ 1814 г. Въ 1812 г.,
 какъ уже знаемъ, Арндту была предложена кафедра
 лекторіи въ Гомбургскомъ университетѣ, которую это
 охотно принималъ, но въ слѣдующемъ же году подъ
 вѣдѣ судебному пресѣдованію за нѣкоторые изъ
 своихъ политическя сочиненій, а именно по нова
 ду разсоедѣній, который цензура усмотрѣла въ 4-мъ

книжки по „духа времени“, вследствие чего позадвинуто
 многое и принуждены были снова взглянуть за перо
 для списания средств существования. За это время
 они издали ряд неограниченного монографий, глав.
 частью затронувшего широкую и ясно, воспоминаний
 и факторов по политическим и общественым
 вопросам; они сходили на выражение Блага и свободы
 возлюбленной Германии, как творческий Искариот.
 В это время они писали и сочиняли и
 сказки („Wintern und Frühling“ 1812.);
 сказки с особенной любовью указывают и на
 его средство с романтической и на его влияние от
 нить: все самое французское являлось в его перо,
 дано ясным и наглядным, свободным от про-
 тивоположения и иронии. (Напр. перечень в известной
 „Encyclopedie von Wolf“ стр. 72 „Abenteuer des Joh.
 Dietrich“).

Свои „Schwedische Zustände“ (Шведские воспоминания)
 Арндт издали в Лейпциге 1839 г.; его „Erinnerungen
 aus dem äussern Leben“ (Воспоминания о внешнем
 мире) вышли в свет в 1840 году. В том же
 же самом году царь Фридрих Вильгельм IV возвра-
 тил ему кафедру и бумаги, находившиеся в руках
 полиции около двадцати лет. Арндт издали по
 „Das Tyrolwesen“ (О тирольском) в Лейпциге 1842.,
 а в следующем (1843) году дал он — „Versuch in
 vergleichender Völkergeschichte“ (Опыт по сравнительной
 истории народов, Лейпциг 1843 г., второе издание
 1844 г.); далее „Schriften für und an seine lieben Deutschen.
Zum ersten mal gesammelt u. durch Neues vermehrt“ (Собрание

1) Encyclopedie der deutschen Nationalliteratur etc. von
 Dr. O. L. W. Wolff (2te Ausg. I Bd.).

гда мысль подобна въ мыслихъ. Въ первый разъ сообра-
ны и новыи пополнены. 3 части, Лейпцигъ 1845г.);
, Rhein- und Aar-Wanderungen". 2. Ausg. der Wanderungen
aus und um Godesberg (Съразсуждованія по Рейну и Ару.
2-ое изд. съразсуждованій вокругъ Годесберга, 1846г.); и
наконецъ Nothgedrungenes Bericht aus s. Leben aus und
mit Maximilian (Необходимое повествованіе о своей жизни
съ документами, 2-ая часть, Лейпцигъ 1847г.) ~~и наконецъ~~

Затѣмъ, однимъ изъ прирейнскихъ округовъ выбралъ
Арида въ 1848г. членомъ національнаго собранія,
застѣваемаго во Франкфуртѣ. Здѣсь, когда она въ пер-
вый разъ взята на трибуну, въ честь его была про-
изведена торжественная манифестация: всего депутатамъ
поднялись съ своихъ мѣсть и шумныя рускомесканыя
сопровождали почти каждое его слово, а, по оконча-
ніи произнесенной имъ рѣчи, была выражена благо-
дарность отъ имени всего собранія за его патриоти-
ческую рѣчь: „Was ist des Deutschen Vaterland? Ist's Preuss-
enland, ist's Schwabenland?" — Тогда дакъ поднятіе
вообще о характерѣ и значеніи трудно переводимой
лирики Арида, возмъ эрозъ шланъ въ дословнаго пере-
водѣ: Что такое озересво птавица? Пруссія ли это? Шва-
бія ли? На Рейнѣ ли оно, гдѣ рдталозъ лозъ? На Бал-
тикѣ ли, гдѣ коензедъ гайка? О птавъ, птавъ, птавъ! Оно
должно быть обширнѣе.

Что такое озересво птавица? Баварія ли это? или
Шурида? Тамъ ли оно, гдѣ оубахаездъ волъ марсінца?
или гдѣ ширель марки Кюльзъ шелтаго? О птавъ и пр.

Что такое озересво птавица? Это Померанія? Вест-
фалія? Это за страна, гдѣ водерь разносиль приморскій

несокъ? Гдѣ съ тучною жемчужь Лунай? О иголь и пр.

Что такое озересерво италца? Назови мнѣ великую землю! Швейцарія ли это, или Широль? Ахъ понравилася жаль и земля и народъ! О иголь и пр.

Что такое озересерво италца? Назови мнѣ великую землю! Наверно это Австрия, богатая поддальми и вознесемнади? О иголь и пр.

Что такое озересерво италца? Назови мнѣ великую землю! Та ли это страна, которую расдержали обманъ кождѣй, мнеленад императора и царсхва? О иголь и пр.

Что такое озересерво италца? Назови мнѣ наконецъ эту землю!... Гдѣ носилъ италецкая ртомъ и гдѣ возносилъ она она итени Богу небесному жаль, жу землю чернвй италецъ, называй своето.

Тамъ озересерво италца, гдѣ помазие руки зивтаняеть клязбу, гдѣ вторноеъ ярко сидеть въ глазаъ и любовь горитъ въ сердце. Ты землю, чернвй италецъ, называй своето.

Тамъ озересерво италца, гдѣ оръ гнать жалуъ ролманская франства, гдѣ великій мелодвй смизаедеъ врагома, а великій благородный человекъ — другомъ. Тамъ должино буть она, все Германія должино буть мнѣ.

Все Германія должино буть мнѣ. О Боже небесный, воззри на насъ! Сошли намъ неподражательный италецкой дубъ, тогда мы любимъ ее вѣрно и нежно. Все Германія должино буть мнѣ.

Птени Арндта итали громаднй человекъ, быстро распросуранялис въ городаъ и въ селаъ, и въ рядаъ армий, и водили ее къ поддальми; многия изъ нихъ на долго перешли своего авзора, фрейтали въ солдатскыхъ хораъ во время последней франско-прусской войны и до сийхъ поръ живуть въ узраъ народа; сила мнѣ въ жаль, что Арндтъ, человекъ глубоко убѣжденный и самъ

вышедший из народа, выражалась в нем не личное губерво, а общее для всего немилых помещель и вы, разнава словами проезники и дворянам, безъ одушман, кой риторик и вичурноези, но съ неподготовленна одушевляемна. По выразненна словесника Курца, всякая поевня, козору она бросала въ народъ въ эти бурныя времена, была охрвана мечемъ, наносившимъ врагу неизлечимыя раны; эти поевни наносили все сердца зото же бодроство, козорат одушевляла самого козта, зото же добротивай надеждай на бога, козорой била прохикнуць отъ сама. Кадо еще прибавить, то поевни его подвиданес вынесеть съ прекрасныма шело, дидики, изъ козоронна многа принадлежала зоту же Арноду. Но кельзя озрицаре и зото, что зотыко для помещель, да и зо въ извъезномна настроенни, въ зривна поевнята все гисзав и високая поэзия; всякий другой увидица въ немъ мюзерати и зупочивую самокнижель, носеть и грубую кровожадноеть и сзрелкненне сдоталаре изъ религиозна губерва орудие узкаго патриотизма. Указану здтес зотыко на поевно, Der Gott, der diesen wahren lieh, der wollte keine Knechte; Dumm gab er Säbel, Schwert und Speer, Dem Mann in seine Rechte... Эта ^{переведено по русски} можно прииди, дидельно перевесери закъ:

Богъ не хотала радова, а зо-бъ

Мелюза не зворива;

Тогда бѣ руки кодыны она

Оружья не влошима.

Иначе-бъ мюзиссва не дали

Малы славыны шерзунныма Богъ;

Иначе-бъ за свободу нава

Борются не попово.
 Мислители божьего вала мы!
 И не найдешь зиратов
 Того, за плачу крова дерзнула
 Возврат на согражданов,
 А кто, своего забывши ксерс
 Случивши зирату будежа,
 Того изречили мы во искуки,
 А родина забудежа,
 О родина, где есзе еще
 И вярное и любовь!
 О милая Германия,
 Где клянемся внове,
 Какъ мы клялись съ Арминиемъ,
 Удъ на смерзной бои
 "Умрели или похерзвучели
 Своего головой!"
 Пусзе все пвилаежа и гориза
 Что можсезе миме гориза!
 Удеме спасзи свободу, мис
 Сразнадеж утерезе!
 Проезирзи къ педу ружи везале,
 И радоежо во есрдцаде,
 И климъ: "ктоже болтае радове"
 Шмивеже во везале учале.
 Пусзе все, что можсезе миме збучаже
 Мелмедель прозвучиже,
 Удеме мве во бои, и крова врагова
 Шленгого обазрими.
 Это крова врагова и палачей!

Тропикъ ее, озлобимъ
за все и за озлищене сангъ
Охотно оградимъ.

Пусть разбиваетъ вояерь все,
Что мотаетъ разбиваетъ!
Геройскою снержито, дружбѣ,
Целью мы умирятъ.

Подбодки знамя впереди!
Ведь армидъ за нима!
Мы победимъ мѣхъ увересть
Свободными ложили!

Какъ видно, эта поэзия болѣе много мисерна
и гасна, но мало одне пеловоческая. ~~Обще-пеловоческая~~
песное мѣхъ верховнаема, напр., въ снужозвореніи:

Трѣза пловца.

Буря вояерь, волны въ морѣ гаси и лоддѣхъ лодучномъ,
Суровы молнія мезагохъ грозно въ воздухѣ погнотомъ.
Суровый корабль сладко дремлетъ на скамейкѣ желнокъ:
Эри буря, эри молнии не смущаютъ суровика.
Только снужной кидаетъ вояерь кверку, кинзу урловъ чомъ.
Только пловцу оградной снержа подъ сердцовой ропохъ волни.
Передъ нима толмѣхъ грезѣ, нѣхъ дивной и снужной рай
Тышишь сердце, грезѣхъ душу приложливому играю.
Возъ бедаехъ изъ океана, снужной солнечномъ облитъ,
Островокъ, ковровъ зелѣнскихъ и цвѣтзакъ оми покротъ,
Вся природа нарядимасъ, какъ неваха подъ вояерца,
Лоръ волшебно-гуднотъ звуковъ слышишь въ воздухѣ пловца.
Здѣсь, кричишь оми, брошилъ якоръ, здѣсь пригалимъхъ дружодъ!
Здравевуцъ, берего, здравевуцъ, прислани возидельномъ мотъ!
Здравевуцъ, солнце золотое и небесная лазуръ!

О, какъ сладко, безмятежно здесь засну я поела буря! — — —
 Вдурче какъ будто бы пошаровъ озарилае поел мела,
 Съ неба огнетнаго грозно въ полноту ударила сурвала —
 И грозу пысколко мгновений вдоль придреситовыхъ дикихъ скала
 Томско друны и обломки океана сердирый мела.
 И до приездаи шеланной отъ домала иль наконца...
 Мсполненъ сладкой грёзы зы дошдался, мой половец!
 Возъ и солнице золотое, возъ и свазлаз лазурь —
 Спи зы зенеръ невозможимо, спи, снасрливецъ, поела буря! (П. Рейнберга).
 Какъ въ прозе, такъ и въ срибать Арндра свазало
 птакцева за сердце, за соваст. Онъ била народнымъ
 орадоромъ и позоромъ освобожденъ отъ перовъ въ русахъ.
 Онъ заняла въ войнѣ прозвѣ Наполеона половецъ,
 Какое, говорядъ, ивталъ некогда Валберъ фронтъ-дра-
 фгольвейде въ борбѣ прозвѣ Рина. И боръ его небыд
 сравнивалъ отъ Мозерова, до все же онъ била одимъ
 изъ великихъ членовъ Мозерова рада. (Во вѣствъ его
 пазриозическитъ птендѣхъ можно прогизатъ мевиду
 сзрочъ: *Ein feste Burg ist unser Gott* (Говъ — нама крѣпъ,
 какъ звердыня). У него не было недоезакъ въ много,
 озоронитъ возбудиенитъ. Разогарованіе ошдало и
 его. Покинувъ парламентаръ въ 1849 г., онъ окончатъ,
 но проеулся съ полизикой. Опечаленный послѣдшима
 совсеридки и обцей реакціей, поелъдовавшей за крау-
 кику дѣлки надежда на лучшее будуще, отъ едѣлаея
 крайне раздраженитъ въ послѣдніе годы своей
 жизни. За раздраженитъ особенно раздо продвѣ,
 ласъ въ предсмертновѣ его срихворенитъ и въ предъ,
 слови въ послѣднемъ изданіи его сочиненій „*Ge-
 tania*“, вышедшему въ годъ его смерти. Въ своей

1) Арндра писавъ и дурловитъ птени (*Geistliche Lieder*) и изданъ
 иль сперва въ приложении своей оулитной книжки „*Non sum solus
 pro domo*“ (О слова и церковной птени, Потомъ 1819 г.); адрови
Geistliche Lieder (Дурловитъ птени, Берлинъ 1855 г.).

прекрасной автобиографией Арндта замечается: „Головоломки
 блаженны только в той мере, когда они свесно губ.
 свещи, если его чуждо такого рода, что они возможны
 о нем разсуждать“. Такими сильными губевыми
 была переполнена его грудь в дни бедствия, чтобы
 и любовь наполнили его, но его ясный разум не
 закрывался. Головой и сердцем он был корен,
 миль голубином, как братя Триумфы: он более
 не был насродничью чуждым и не проносимым,
 как он, из чуждым словесий; он был родом
 keresztник и с keresztниками находится в по-
 сродничью свещи. А что его была за же, как у
 Маркорожа: „сложны постройкой чужды и озорны
 чуждым обитав“. Арндт и характером своей
 политическою действительности и своим производством
 предсказываю перевод от романтизма к позитив,
 шить и больше здоровым речением: изучение
 народности с одной стороны и чуждым мудок-
 чуждым либерализму середины прошлого
 (XIX) столетия с другой; он пророком для Чехии
 и многих других лучших людей Германии. Он
 не только немецкий поэт, но и народный герой,
 и потому о его жизни и сочинениях свещи
 чуждым литература, в которой не мало хороших
 книг, написанных несколькими для народа.
 Лучшими монографиями свещи: Langenberg. B. M.
 Arndt, sein Leben und seine Schriften 1865. Bonn
 (2oe издание 18692.). W. Baur: B. M. Arndt's Leben, Thaten
 und Meinungen 3-tte Aufl. Hamburg 1870. F. Schmidt:
 B. M. Arndt, ein Lebensbild. Berl. 1875 и др. X

Славу немецкого Пургея войны за освобождение
 от Австриев раздвигает Теодора Кёрнер (Carl Theodor 1791—1813.
 Кётнер). Он родился как сын известного друга Шмил-
 лера в Дрездене в 1791 г. В малом возрасте рано
 развивался поэтический талант, обнаруживавшийся прежде
 всего в произведении типа комического рода. Рядом с
 поэзией Кёрнер испытывал особенно склонность и даро-
 ванье к музыке. Его любимыми инструментами была
 сначала скрипка и позже гитарра, которая послед-
 нья его воевавшими сопровождала на походах.
 Учился в „Kreuzschule“ в Дрездене, 17-го мая
 пономя отправился в горную академию в Фрейберге
 (Freiberg) в 1808 г. Он издал именованного своего
 авторства горной науки, увлеченный иль поэтического
 озорного. В одной из его творениях он описывает
 блестящими образом жизнь рудокопчиков, начиная:

In das ewige Dunkel wieder in die tiefe Erde
 steigt der Knarre, der gebietet Rudo-kö-nig, bladvika
 einer unterirdischen Welt. Подземельного мира.

Корнер стал вобщем заниматься естественными
 науками, преимущественно минералогией и химией.
 В 1809 г. Кёрнер перешел в лейпцигский универ-
 ситет в Фрейберга Кёрнер скоро предпринимать по-
 земельный во время вакансий. Также посетил он свое
 восприимчивую (красную гору), у князя герцогиню
 Курляндскую, Доротею, в ее поместьи, в Лёблихау
 Ансбахбургского князя; фактом проводил он там,
 как в Верхнего-Музельса и Силезских горы, где ему
 для изучения минералогии открылось обширное поле.
 После двухлетнего пребывания в Фрейберге, Кёрнер

перешелъ съ цѣлью научнаго образованія въ Лейп-
цигскій университетъ въ 1810 г. Въ Лейпцигскомъ уни-
верситетѣ отъ двалался членомъ одной партіи, савоими
дѣятельными участникомъ вѣать университетскія драмы,
попоекъ и дуелей, происходившихъ чужъ на каждаго
день, и окончилъ цѣль, что принудилъ быть въ
1811 г. бросилъ въ Берлинѣ, чтобы избавился отъ шесте-
лѣтняго ареста, къ козорову былъ приговорена
университетскимъ судомъ. Черезъ три мѣсяца Көрнеръ
покинулъ Берлинъ и отправился въ Карлсбадъ,
чтобы поправить свое ослабленное здоровье. Осеню
дого онъ года отправилъ его въ Вѣну. Здѣсь
открылся Теодору Көрнеру новый свѣтъ, здѣсь шили
именно въ то время Вильгельмъ фонъ-Тулльбергъ и
Фридрихъ фонъ-Шлегель, знакомство съ козоровымъ
имѣло для него большое значеніе. Көрнеръ теперь
совершенно оцался изгнать. Оставилъ попу-
лярнаго драматурга при Вѣнскомъ театрѣ,
влюбился въ красавицу артистку Мони (Анжонина
Адамбергера), козоровъ отвѣчала ему оцалъ еще пылкимъ
губерномъ и былъ уже обрученъ съ нею. Своими
судоборениемъ къ Сраженію подъ Асперномъ ("Schlacht
bei Aspern") вошелъ отъ въ число побѣдителей
Эрцгерцога Карла. Между цѣль маеца въ 1813 г., по-
двинулся манифестъ прусскаго короля, къ народу
народу" и 24-мъ маемъ поэтъ оцалъ изъ первыхъ оцалъ,
звалъ на призванъ Пруссіи оцалъ подъ знамена для
избавленія Германіи отъ французскаго ига. Оцалъ въ
обязанное положение и возмобленію, отъ цѣре,
шилъ на призванъ оцалъ. Отъ поцалъ въ

Силезия, возмущившись в партизанский отряд. С миссо,
 ваниемъ кривошеуцера ома восставше Тетрарин:

Das Volk steht auf, der Sturm bricht los! Народъ возстаеъ, буря поднимается!

Wer legt noch die Hände feig in den Schoos? Къо сидитъ еще трусливо
 слоэна рѣки?

Колоний пламеннаго одушевленія напускаеъ ома
 друцо поессо, какъ-го:

Fisch auf, mein Volk! die Flammenzeichen rauchen, Слониай, народъ мой!

Hell aus dem Norden bricht der Freiheit Licht. Пламена пожара дѣлаетъ,
 Ясно съ стовера продураеъ

Великодушныи образы ожеъ давъ свое согласие ствѣъ свободы.

къ разраменису свѣта, 15 марта Теодоръ Көрнеръ
 покинуль Врону и отправилея въ Бреславль,
 доъ ома поспунувъ въ Моцобекий отрядъ Доброволь,
 поиде охотниковъ. Въ церквѣ села Торау у Цодрене
 въ Силези отрядъ Моцова давъ присягу на вѣрность
 и посвѣщенъ бѣль къ свѣщенному дою. Тутъ зоро
 богослуженія Көрнеръ соимувъ поессо, имено:

Was traten jene im Gottesdienst Mit welchem Zweck? Кто вѣтъ въ давъ Косий

Mit frommen Ziffern Mit Ziffern, Съ набитного рѣшилось.

Was wußt sie pflegt zum frommen Sinn, Намъ зовѣтъ долъ въ доброду,

Und alle Herzen flammen.

Темеръ Моцобекий отрядъ охотниковъ отправилея
 черезъ Гауценъ и Дрезденъ въ Лейпцигъ. После
 цѣлаго ряда боишувъ и малыхъ сраженъ, въ козо,
 раиль Көрнеръ поезднико отливалея запискивого
 Срадроехста, 28 мая отрядъ Моцова, соодѣвнии нуъ
 тедрель роты разбить националностей и идрисельри
 домскиль казаконъ, двинувъ за Тюрингенъ, взавъ
 содого, въ качествѣ адвоката, Көрнера, белградскѣ
 его численной просьбѣ. 7-го июня Моцобекскѣ бѣра,
 лионъ, соодинавшисъ съ войсками графовъ Воронцова

1) Народъ возстаеъ, молниеносно буря!

Къо еще сидитъ робко слоэивши руки?

и Тернышева задержали в Лейпцигской французской,
 под начальством герцога Падуйского; спасением
 своим неприязель была обвзана насупившему
 перемирию. Общественный эфирь Моцовь, съ двумя
 батальонами и 50 казаками, отправился тотчас
 по обнаружении перемирия на соединение съ своимъ
 отрядомъ; но, близъ ^{небольшой деревни Глатц} Кнзена, ~~недалеко отъ~~ Лейпцига,
 была окружена неприязелью въ значительномъ числѣ.
 Моцовь послалъ Кёрнера потребовать объясненій
 по поводу нарушенія перемирия; но, въскоро отъѣзда,
 командиры французскаго отряда внезапно ударили
 на него — и Моцовевскіе солдаты были разбиты
 преследуемые, только успели пригрозиться къ бѣгу, при чемъ
 часъно были переданы, перерезаны и взды въ мѣсто,
 часъно разсыпаны по окрестностямъ. Это же каса,
 отъ Моцова, до сихъ, благодаря искусству казаковъ и
 уланъ, создававшихъ авангардъ, прорвался сквозь
 неприязель и, переправившись на правый берегъ Эль-
 бы, благополучно присоединился къ своему отряду.
 Между темъ Кёрнеръ, утративъ раненый въ голову,
 уланъ съ лошадью, но успѣлъ скрыться въ мѣстѣ.
 Преслѣдствіе дохавши раненаго въ Карсбадъ, дѣла,
 недолгое пребываніе въ казоромъ дано ему возмощи,
 но съ присадо снова вернулся въ армию; еще не впол-
 нѣ оправившись отъ раны отъ присоединился
 къ своему отряду. 26-го августа Кёрнеръ съ казаками
 преслѣдовалъ французовъ. Заставъ въ мѣстѣ, недалеко
 отъ Розенберга между Швериномъ и Тагесбушемъ
 Мекленбургскаго уезда, неприязель безразлично преслѣ-
 довавшими по сѣвернымъ откель, при чемъ одна

пуля попала Кёрнеру в шиворот, пробила перенос
и застала в позвоночном столбе. Молодой поэт
перевалил с лошади, была удара 26 авгу.
ста 1813 г. Тело поэта и герод было зарыто разрытым
заварничаем под дубом, у деревни Рёбелмы, близ Любвицеграда.

Теодор Кёрнер, как человек, выучившись закону
гимназии близкий модный, что сестра поэта и одна
из его друзей не могли перенести его.

Как мы уже слышали, Кёрнер уже с детства
начал авторствовать. Уже в 1810 г. он издал сбор.
ник стихотворений под названием Кносрен (Поски) и
после того начал писать комедии в стихах и
драмы. Как известно, Кёрнер вполне оудался литер.
туры в Вены и принеся за сочинение и драматической
трагедии Конрад, в надежде поехать к нему в Вену,
составить театру, но не успев в Вену. Зато с помощью
двух писателей, принявших театральную дирекцию, дождавшись
ему известности драматического писателя и в Вену
того он получил место драматурга при венском
театре в 1812 г. Но не можно сказать о славянофильстве
двух писателей Ден Нахтвайль (Ночной сторож) и
Тони (Тони), именованных знаменитый устать. Но
самой большой устать выпала на долю его и драматической
трагедии Фринг (Фринг), сюжетом которой зам.
сказанна из венской истории. Из комедий Кёр.
нер скоро явились подражатели Коцебу и дру.
гих, легкая драматургия, только Шиллера, но в дра.
матическом ^{взрешен} сценическом подражании великому драматургу.
Первые его опыты в драматическом роду: Тони, Фредвиг
(Фредвиг) и др. не имели большого успеха, но трагедии

Критик (1812 г.) сделала его сразу выдаломыслие поэтом и на венской сцене произвела попомизельский фурор в виду попомизельского одождженства того времени; но и теперь се нельзя не признавать одной из лучших лирических драм, какія только знает история литературы.

Правда: драматизм въ ней мало, характеры очерчены слабо; Критик, его жена, его дочь, Булаки, ее свекоръ, Аланн и пр. какіе прекрасные люди, какіе на сцѣнѣ въ законѣ комическомъ не возвращаются; попомологи герой Бюльицкий справедливо называется „семимысливымъ“, но въ дѣлѣ попомолога, въ речяхъ спадвисимиковъ Критик и вообще во всемъ ходъ драмы сколько не, подголомнаго юномескаго увлеченія и благородства, что и теперь хорошая постановка этой драмы можетъ вызвать энтузіазмъ зрителей залы. За Критикомъ посподовали драма „Тедвига“, трагедія Фосифа Теидерихса, три комедіи: „Der Vetter aus Bremen“ (Двою, родной братъ изъ Бремена), „Валкиперъ“ и „Губерманъ“, ка' и три оперы: „Дочь рыбака“, „Тедиректоричий часовой“ и „Торквий ученый“. Кроме этой драмы, лирическихъ произведеній, Кёрнера написаны еще следующие: „Розамунда“ (= Косамунда), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, здѣсь ередозогіе - любовница англійскаго короля Генриха II, которую оубавляетъ его супруга; далше: „Роковая безрота“, „Невожа“, „Зеленое домино“ (= Der grüne Domino), уже упомянутый, „Ночной сторожъ“ - драма и комедія въ одномъ дѣйствіи, и „Албрехтъ Великій“ и „Бизва съ драконономъ“ - оперы.

Еслибы Кёрнеръ прожилъ дольше, отъ быль бы,

И это - последняя драма Кёрнера, вышедшая послѣ его смерти. Драма „Розамунда“ показывается болше шибко губева.

по всей Европѣ, лучшими предсказателями школы Шиллера, съ которыми они имѣли очень много общаго и по характеру и по взглядамъ.

Кёрнеръ уцѣлѣлъ кромѣ ^{несколько} переписанныхъ (всѣхъ) драматическихъ произведений написалъ несколько педуровидныхъ повѣстей романтическаго направленія: они елихотомъ модныя формы повѣсти въ то время. Но слава Кёрнера основана не на его драматизмѣ, не на его повѣстяхъ, имѣющихъ въросшее знание, а на лирическихъ суживореніяхъ. Въ то же время, когда Кёрнеръ писалъ свои драмы, онъ и сочинилъ по ^{старой} (старой) сказкѣ извѣстное суживо, звореніе, "Hanns der Kühne Springer" (Таррасъ, свѣтлый прыжокъ) и уже упомянутое "Сраженіе подъ Аспергове", которое поеладилъ онъ приобрѣлъ въ высшей степени благосклонное эригерцога Карла. Съ возрожденіемъ привозвучею поэты возрзаніе Германіи:

Народъ возрзаеъ, возрмаетъ буря;
 Кто же сидитъ робко сложивши руки?
 Топе гудитъ, зрчетъ, прыгущійся за пещкой между горнишниками!
 Ты безсезнатъ малка драме!
 Итальянская давушка не поцалуеъ гудитъ,
 Мельцекатъ пьена не порадуетъ гудитъ,
 Мельцекое вино не узоитъ звоею маиди.
 Впередъ! геловаться къ пеловоку!
 Кто можетъ взмахнуть на Орлампбергъ?
 Въ то время, какъ вы проводили
 унастично ноги подъ дождемъ и бурей,
 Ты можешь драматъ на макиль пуровикахъ
 и пьозитъ свои члены. Ты и пр.

Некоторые моменты его военной службы — самое яркое, драматическое время для Кёрнера, как и для Лейба. У Лейба, как и у Кёрнера, соименно своего славянского наемца: Любомирскую охоту („Lubrowski's wilde Jagd“):

*отсюда
Ито жаль! Давно ли вы с нами,
некоторые с нами?
Славу, да славу, да славу
и шумим.*

Was glänzt dort vom Walde im Sonnenschein?

Hör's näher und näher brausen.

Утром первой дивизии, сначала Кёрнера, отползавшей между горами корутиковской, сначала Плевенской союзу передвигавшейся („Rundes Lied vor der Schlacht“):

*Со злыми предубеждениями,
безотрадно
Дошнудается великого гора.*

Achtungsvoll, Todesmutig
Bricht der große Morgen an.

Три орудия в колонне войсковой угрозы Лейбу, отъ на-писавъ, Последнее утро войны:

Къ чему на поле башенъ красна и печаль?

Ито сквозитъ грозно въ туману даль,

Въ вихри дымы огуны?

Пузырь буря дымы, пырь бодна кинуть,

Земля подъ ногами, среная, дрожитъ:

Гдезъ наша гунда укоризны!

Надъ нами гроза собираетъ вновь!

Возмъ пролизу благородна кровь,

Дизъ горнеслычушь глотан!

Но не до изданы охъ гудели насъ:

Насъ гонятъ, насъ гонятъ огуны чашъ,

Познеть мы побьды гроден!

За правое дело мы нехъ извлекли:

Сберитъ же, братъ, весь силы свои

Для бранн кровавой, свинцовой!

Возстанутъ вы, юноши, въ славиль дьлакъ,

Полки собираются на гудель врагъ!

Простись, народъ усмиренный!

Друзья! мы бездурно предъ смертию стоимъ,
И смело, и бодро ей въ очи глядимъ,

И идемъ совершенія часу.

Спасемъ еще свободу отчизны своей,
Иль сами со славою подъ зыбкою мечей

Возвратимся на поля чести!

На что еще камиль дивись, когда вольноужи ищешь?

И чьяль нашь запылить обширнѣйшаго свѣта

Родной священный чести?

О почва! мы отчизну оубо ты спасемъ,

Иль вольными къ намъ иль оузами оубоидемъ:

Или вѣрные — вольны, несчастны!

Ищешь буря бурнѣе, ищешь бездѣла кинишь,

Земля ищешь подъ нами, сжата, дрожишь:

Въ союзѣ взаимнаго братаства,

Мы клятву далимъ здѣсь, подъ шумомъ громаго,

Издавимъ себя оубо позорившихъ оковы.

Издавимъ отчизну отъ рабства! (С. Миллера).

При горючихъ Москвѣ Корнеръ соимилъ ^{соперъ-} сѣнѣи, вонъ
Фрезольнъ урочно переведенымъ, какъ-то:

Какъ высоки церквии златѣя главы!

Какъ нарезвенно дворцы званъ сидѣтотъ!

Со вѣсѣмъ сзоронѣмъ глаза мои вуррагаторъ

И гордый блескъ, и наидурники славы.

Но часъ званъ динъ, о, городъ великавий!

Твои градидане руку подыматотъ:

Тирецишь оубо и факелы пылатотъ —

И ты оубо въ гордый ризъ лавы.

О, ищешь зедъ потосишь ищезилене!

1) Папа горитъ-болитъ, блѣдная рѣда Френцузскъ
Я губевуно по болше слабую бѣнису моего сердца -
Я ерото здѣсь у предановъ мнѣ днѣй,
Боже, какъ же хочашъ, Штепъ и предадедъ...

980

Молитъеся, тамни, румяеся, малара!
Мо русскій френкскъ, маменавъ обдѣзвѣ,
Торитъ вѣсавъ! Но динко покумеве!
Уане подъ кликъ и одице воеропи
Консе подраде подидивъ свѣзюу Теорпи.

Kогда позырѣ дѣль ранена, го, содрава еван поеладнѣ
силы, оръ мнѣ:

Die Wunde brennt, die bleichen Lippen bebem.
Ich fühl's an meines Herzens matterm Schlage,
Hier steh ich an den Marken meines Tage,
Gott, wie du willst, dir hab' ich mich ergeben!

Во завадра мнѣсуду Шверитковъ и Тажедумедвѣ Көрнеръ
мнѣ евого ребадивуно мнѣсудъ „das Schwertlied“ (Посвѣд
о мѣсѣ):

Мнѣ, го, мой повообачней,
Это мнѣ звоє вѣсеное динсѣане?
Du Schwert an meines Linsen,

Was soll dein heitres Blinken?

Kогда Көрнеръ навѣ героической смерзисо за озерецуво
и когда онуезуми его урѣде въ мнѣсуду, го его софрѣвнѣ,
нѣ, зоваруцим по мнѣсуду оурадѣ, мнѣсуду навнѣсуду
„Gebet während der Schlacht“ (Молитва во время битвы):

Оуре, зову Мѣдѣ!

Домовъ обдѣзвѣ, грѣндѣ Сагарен,
Дроэтно молвию вѣозея, какъ зинѣи...
Кронскій вѣозея Френей, зову Мѣдѣ!

Оуре, вѣгу мѣдѣ!

Оуре, вѣду мѣдѣ

Во славною подраде, мнѣ вѣ смерзисо вѣрод!

Тоснѣди, вѣдѣ Мѣдѣ надо мнѣсуду!

Боже Всесильный, вѣгу мѣдѣ!

А приузнано Мѣдѣ!

Я признаю Тебя —

Во сладостномъ телесе мерзевъ древесныхъ,
Во зрѣтомъ срасненіи и вѣдурѣхъ небесныхъ...
Блага источникъ, я признаю Тебя!

Благослави меня!

Благослави меня,

Богие, Своєю десницею свѣдѣно!

Я упадоу во прахъ предъ Тобою...

Къ низу и не къверху, благослови меня!

Отче, я чтю Тебя!

Отче, я чтю Тебя!

Не дѣя короему я нечю обмануо:

Благо отиуноу я илю заиуноуо...

Богие, во часъ бужви полю Тебя!

Отче, прики меня!

Возле погза модъ дубамъ Вѣдлима, Силуе Мадвие,
моза побороневы и его сеера, озеу и мау.

Лучъ високаго Шиллеровскаго духа освѣщавъ
душу Теодора Кёрнера и дава ему силу увлекательной
поэмы. Теодоръ Кёрнеръ былъ поавель и герой, какъ
сказавъ Уландъ. Судба дала ему запечатлѣть сверхъсо
го настроеніе, которое онъ выразавъ въ поэмѣхъ.
А эти поэмы воспламеняли: какъ либъ вѣдуленія,
прекраснѣе мелодіи, полу-лирическій, полу-регориче-
скій тонъ; никакого обращенія къ прошедшимъ вре-
менамъ, никакой изыскательности, никакой мечты,
земельности; вѣд свѣднестъ пономъ, которій живенъ
народуиуиу; третійиій откузиавъ, которому вели,
кос вренъ дауъ великое содержаніе. Къ эуиуиу
пазриозическимъ икендъ, которій почти ииуиро.

визировались поэтом, подбирали музыку Вебера, и отсюда быстро распространились между интеллигентной молодежью; героическая смерть Кёрнера еще больше подняла нить значения, и Кёрнер во это время был несомненно величайшим поэтом для немцев. Но его поэмы были значительно судьбою скрученные произведения Арндта и поэму не могли в такой степени проникнуть в народ. Тейне гово- рил о значении поэмы Кёрнера в своем „Падении буржуазизма“ следующим образом:

„Мы все жертвовали за то несли,
Какъ дубы германской породы.
Но вдругъ оръе началъ съва къ намъ воеши пришли:

Возрастше за дело свободы!
Тогда мы, оставивъ рога, какъ быки,
Озвасимо на бой полезали,
И галские вепры сбивали шпанси
И Кёрнера поэмы мы пали.

Упаская поэма! Милъ звуки и хоръ
Трозою гудъ зиратовъ звучали.

Отъ нить императоръ и замбуриказоръ
Со сраховъ домой убогали.

Въ дружномъ поезде Тейне оживаетъ обь нить мейне
Благосклонно: и мы одушевляемъ хоромими мейне,
Дидли и плодими сридами поесса Кёрнера, и
мы завоевали свободу: ибо мы далаемъ все, что намъ
приказываютъ наши князья!

1-ое издание поэмы Кёрнера вышло в свету
подъ заглавиемъ: Zwölf freie deutsche Lieder. Nebst einem
Anhang. Lpz. 1813г. Вскоре после смерти поэта

оценку его собрали его патристические писания в сборнике:
 „Lezer und Schwert“ („Мир и меч“, Берлина 1814 г.),
 который до 1834 г. выдержал 7 изданий. На русском
 языке, кроме мелких стихотворений Кёрнера, при
 надлежательстве Жуковскому, А. Феду, О. Миллеру и др., су-
 ществуют полные переводы следующие его вещи:
 „Почти“, драма в трех действиях. Перев. А. Мамикова 2-го.
 („Избранный немецкий театр“, 1831, т. II). „Возмущен“,
 драма в пяти действиях. Пер. Аннелсброга. („Пантеон“,
 1841 г.; переиздана в „Европейском театре“, 1875 г.)
 „Мирини“, трагедия в пяти действиях, на русский язык
 переведена 5 раз: Михайловским (Тверь, 1832 г.),
 без имени переводчика (Москва, 1832 г.), Мордвиновым
 (СПб. 1847 г.), Аннелсброгом (Пантеон 1851 г. т. III) и
 опять-таки без имени переводчика (СПб. 1871 г.). По
 поводу перевода Мордвинова сего сдана Толмачева
 (XI т. стр. 476), подробно излагая содержание. Пере-
 вод Аннелсброга вполне удовлетворителен. „Рок,
вась безрога“, драма в одном действии. Перев. Б. Крузе
 („Русский Восток“, 1858 г.)

Третьим поэтом войны Макс Фронт-Менкен. 1793—1817.
Горфр (Gottlob Ferdinand Maximilian Gottfried von Schen,
 Kendorff) родился в 1783 (или 1784) г. в Штислицине,
 в Пруссии, учился в Кенигсберге камеральным на-
 учком, служил в 1805-м префектур-офицером — докладчиком графа де
 Оттвалда в посольстве в Туринию в 1812 г. участвуя,
 в том же году в сражении в поход, после
 заключения мира служил в управлении в

1) Полное издание произведений Кёрнера вышло в Берлине
 в 1834 г. новое издание Ад. Штег. Публ. 1883 г. Лучшим
 изложением о нем является: Теодор Кёрнер, Берл. 1848 и
 Л. Вагел: Кёрнер Leben. В 1863 г. по случаю 50-летия со дня
 смерти Кёрнера вышла масса статей и брошюр о нем
 посвященных.

Кобленца, а умер в 1817 г. Когда в 1806 г. Пруссия объявила войну Франции, то Шенкендорф сочинил своего первого военного трагедия. Когда в 1808 г. королевская семья прибыла в Кёнигсберг, то воспитала она ее в своем эрцгерцогстве, а именно почитала она королеву Луизу своим мучеником, яко протестантским и поведением; но уже в 1810 г. она должна была ^{сказать} в своей поэмат о смерти королевы (mit ihr Tod im Königin), что была сорвала прекрасную королевскую розу (die Königin's Rosen). Когда в 1812 г. французы на своем походе в Россию проходили через Кёнигсберг, то Шенкендорф не хотел дать им своего оракула. Она отправилась через Берлин в Веймар, где она познакомилась с высокопоставленным Тёге, которого она проследила в своем эрцгерцогстве. Она в Веймаре она отправилась в Карлсруэ, где она соединилась с Юль-Штильлингом, жившим там как надворный советник. В сообщении с Юль-Штильлингом и 2-м оном фон-Крэднером, с которого Шенкендорф познакомился еще в Кёнигсберге, укротилась его религиозное направление, протестантское уже раньше, именно почитанием дама графини Дона. В Карлсруэ Шенкендорф и женился, но ему не судено было долго радоваться домашнему счастью. Когда в 1813 г. подвигся манифест короля, к войну народу, то его не могли удержать. Не смотря на разбитую параличом правую руку, она отправилась в русско-прусскую главную квартиру в Силезию, с мечом в левой руке, она

Методы поэт. температуры первой половины XIX в.

участвовал в войнах прозува Наполеона и при-
судствовал в сражении у Лейпцига. Поэтом за-
многочислен мира Шенкендорфа были с 1815 г. соотв.
накомы превращения в Кавказе, где отец умер
уже в 1817 г.

Свое патристическое убеждение Шенкендорфа
соединяет с народными образами христианских
мыслей; его патристическое совершенно религиозного
рода; свобода и враг — для него неразделимы по-
нятия. Он, ивский лирик, полный земности и
благозвучия языка, воспитанный на Теме, на народ-
ной поэзии и мимическом театре, душевливый
за императора и государство, за рыцарство и средние
век, за Рейн и его замки, слыл за собою.
Дли в метастазовиче, но иногда московско
путье ехал. В его сабном прекраснейшем
военном поэмном примечании: Das Land,
stammlied (Песня всеобщего земского ополчения):
„Die Feinde sind entglommen Auf Bergen nah und
fern! Ha, Windbraut, sei willkommen, Willkommen,
Strom des Himmels!“ (Враги возгорались на горах
близко и далеко! Ах! урагань, привозебько жедь,
Привозебько жедь, буря Господня!) — его другу и со-
разнику похвощенная Soldaten = Morgenlied: „Erhebt
euch von der Erde, Ihr Schläfer aus der Ruh!“ Schon wie,
Wenn uns die Pferde den guten Morgen ru“ (Поднимай,
жес ты сь земном, бы сядуце, поднимай жес из
покой! Уже ружья пою, шеля доброе утро); —
уже в Кюинсберга манусанная песня свободы
, Freiheitslied: Freiheit, die ich meine, die mein Herz

Тюберген), „Bauernstand“ (Крестьянское сословие) и т. д.
 Какое чудное сокровище для нас — родной язык
 (Muttersprache), выказавший Менкendorфа в песне:
 „Muttersprache, Mutterland!“: „Wie so wohnest du, so traust!“
 (Родной язык, природный язык! Какъ же блаженъ ты,
 какъ же милъ!) Изъ друзей немыслимо забыть,
 все же прекраснѣе его неслось, приведу: „Die ge-
fangenen Sanger“ (Плотовые пловцы): „Voglein, einsam
in dem Bauer, Herzchen, einsam in der Brust“ (Птичка
 — одиноко въ крошечко, Сердечко — одиноко въ груди).

Въ его духовныхъ песняхъ, одна часть коротенька
 подвигаетъ сердца подъ заглавиемъ „Christliche Gedichte,
fur deutsche Jungfrauen“ (Христианскія гимны для
 дѣвушекъ), возпроисходятъ жонне Лоповидъ
 бавар. Самая извѣстная часть — „Einladung“ (При-
 глашенье): „Hast ihr nimmer noch erfahren,
Wie es ist so reich und gut?
Wie es seit viel tausend Jahren
Alle Wesen lieben thut?“

(Въ когда еще не узнали вы бы, какъ Онь закъ богаръ
 и закъ добръ? Какъ Онь со множить жьсья и жьсь
 модьжъ бьсья жьсья?). Такого рода и песня „An
das Herz“ (Къ сердцу); но самая прекраснѣйшая
 изъ духовныхъ песенъ Менкendorфа — песня: „Sonn,
tagsfruhe“ (Воскресное раннее утро): „Gotteswille, Sonn,
tagsfruhe, Ruhe, die der Herr gebot.“ (Волья бжя,
 воскресное раннее утро, оудьба, короткй повелѣтъ
 Тьсья.) Наконецъ болше возвошено его „Weihnachts-
lied“ (Рождественное пѣснь): „Brich an, du schones
Morgenlicht!“ (Поканьсь прекраснѣе утреннѣя зарѣ.)

Макс фр. Менкендорф ^{как поэт войны} (также лучшие значения),
 писали Теодор Кёрнер и Арндт, поэту что
 собою еще дальше от всякого одушевления народ,
 кой песни. По элегическому тону, звучности и
 стремлению возвысить ордынского поэта на его
 массы его произведения напоминают, Певца во славу
 русских воинов Жуковского.

Кёрнер и Менкендорф принадлежат к груп-
 пе младших романтиков, которые воев воеводу
 на литературное поприще около времени войны за
 освобождение. Их оды эти младшие романтики
 гораздо больше производительны, нежели родоначал-
 ники школы и не столько по тону, что иль больше,
 и что они обладают в большей мере творческой
 способностью, сколько по тому, что иль уже не при-
 ходилось бороться с силой на борбу с прозивающими
 и на выработку теории; романтизм стал модой,
 и в ряде его поэтов превращенные устреми-
 лась в возрожденные и устремленные лире,
 разоры. Само собою разумеется, что млад ее выде-
 пошлись таланты далеко не во всем следуют
 учению и приему родоначалншкш школы, и
 каждый пробивает свою собственную дорогу. —
 Макс фр. Менкендорф, как мы уже слышали,
 между прочим, очень одушевленный за импера-
 ра и государство, как что Гюккерле называли
 его императорским мамзелью.

Романтизм Менкендорфа: Studien. Berl. 1808. —

Christl. Gedichte 1814. — Vaterlandslieder 1815. — Gedichte. Stuttg.
 u. Tüb. 1815. — Poet. Nachlass. Berl. 1832. — Max von Schenk.

desse Gedichte, 4. Auflage, mit Lebensabriss und Erläuterungen, herausgegeben von August Hagen (Professor an der Universität Königsberg) 1871.

Фридрих Рюккерте (Foh. Mich. Friedrich Rückert), 1788—1866. сын Саварского адвоката, род. в 1788 г. в Швейцарии. Своё детство ^{младенчество} прожил в разномыслии маэстра, но его прекраснейшим образом воспитали, мамин привывающий к красивому космополитическому Оберлаурингену Майнты, где Рюккерте был сыном деревенского скароеца („Dorfintendanten“). Учился в Швейцарской гимназии, он был поэткой юри, сходил в университет в Вюрцбург и Гейдельбергу, но несравненно с большим охотою занимался филологией. По окончании курса он был дома, изучал главные образцы восточные языки. По окончании в 1812 г. победоносно защитил своего диссертацию в Гейсском университете и был там же короткое время приват-доцентом. В 1816 г. Рюккерте редактировал литературную часть Цурхеймской газеты („Morgenblatt“) в Штутгарте; вскоре после этого он поехал (в 1817 г.) на два года в Италию, а по возвращении охоту поселился в Кобурге, где занялся изучением арабского и персидского языков; в Кобурге он вступил в Луизу Фриммерт, дочь архивариуса и, вдохновенный чувством к ней, написал лучшие свои лирические песни. В 1821 г. Рюккерте переехал на Луизу и до 1826 г. оставался частным учеником, а в этом году получил от короля Людвига I место экстраординарного профессора восточных языков в Эрлангене.

1) против одну зиму в Риме.

Ученые труды Роккера по отрасли знамид, воезоч. ныхъ языковъ и литературы, доставили ему не только место профессора въ Эрлангене, но перевели его на профессорскую кафедру въ Берлине. Именно въ 1841 г. Фридрихъ Вильгельмъ IV уговорилъ Роккера переехать какъ разъ въ Берлинъ, где самъ самъ его ординарнымъ профессоромъ и займивша совозникномъ. Но Роккера замучило въ деревню, на покой; въ 1848 г. отъ вышело въ оуездку, поселился въ своемъ помѣстьи "Гиза Кобурга и отъ гдѣ поръ занимался голско литературными труды. Отъ умеръ въ Нейссенъ въ 1866 г.

Поэтическія произведенія Роккера восходятъ до 1807 года. Еще въ 1812 г. стали предпринимать издатель. поетъ его политическія пьесы и сонеты, въ которыхъ отъ горько издатель надъ зрелищной покор. поетъ и плачевъ и взыванъ къ народу, приглашая его воздѣхъ усердствъ независимое иго. Поэтичны бойны за освобожденіе гдѣлаеи Роккера рѣдъ на зрительскіе сужденія, которыхъ вышело въ светъ подъ заглавіемъ, Deutsche Gedichte von Freimund Raimar /, Немецкія сужденія Фреймунда Раймара /). Мракъ, своего литературнаго карьера Роккера началъ подъ псевдонимомъ Фреймунда Раймара. Въ 1813 г. его такъ-называемыя, Lebhaftigste Sonette (Боржественныя сонеты), напечатанныя въ голско-го уномдануомъ сборникѣ "Deutsche Gedichte", располдилея по всей Германіи; искусственная форма несколько не вредила нѣкъ дайервизо; напротивъ, какъ будъо концентрировала нѣкъ еиу. Если чье въ первыхъ

1) Nausess.

2) изд. 1814 г. въ Гейделсбергѣ.

опубликовать обнаружившейся замтогаделевский замысел. По
 последующее заглавие издание „Променистой соня,
 зови“ очевидно именно употреблено за Рюккерман, имя
 одного из замтогаделевских поэтов его родины.
 Эти сонеты, в которых Рюккерман, по собоуветным
 словам, хотела выразить, сначала — похвалу, а затем
 подлинную славу своего народа, действительно прекрасно
 подобрали национальную борьбу Германов с Фран-
 цией, от начала ея до конца. Со замтогаделевского прав-
 дото относился онъ одинаково какъ къ Гогенштауфену,
 такъ и къ дурнымъ ерархамъ Гогенштауфену и Гоген-
 шауфену. Многие изъ его поэмъ огуломъ
 похоронены на направлениях, но несравненно
 выше ихъ изъ нихъ, в которыхъ онъ высказываетъ
 глубокие и серьезные взгляды на положение своего
 отечества. Въ приложении, Kriegslieder (Proth-
 und Venedicten) (воинские сауринские и похвалы,
 поэмъ похвалы) находится самая лучшая между
 другими поэмъ „Auf die Leipziger Schlacht“ (къ Лейп-
 цигскому сражению). По выражению одного крити-
 ка, патристический поэмъ — сонеты звучатъ, какъ
 барабанный дробь, которая собираетъ заспавшихся
 солдаты и гремучи до края моря, пока вѣтъ не вежа.
 музыка въ радъ. Рюккерман, подобно Арндту, не огуломъ
 идее въ выраженияхъ, расхождается грубо, но
 всегда искренно и смело. Другая патристическая,
 некая сатирическая Рюккерман издали въ сборнике:
 „Kranz der Zeit“ („Венокъ времени“, Мюльгаузен,
 1817 г.) Здесь похвалы и поэмъ изъ Кеопольд,
 „Edelstein und Perle“ (драгоценный камень и жемчужина)

У или: въ „воинскихъ наслохъ и владѣвшихъ похвалы“.

Внимало въ годы те годы. „Ванковъ времени“ появились
слишкомъ поздно и сдержанно, вследствие чего, на
себя мало выжили за исключениемъ „Barbaros-
sa“ и „Die Gräber zu Otensen“ (могила въ Одензее),
за то же почти пропали, образили на себя мало
вниманія. — Служа въ Роккерге образили оъ со-
временныхъ событій времени и изобразилъ другой предметъ своего
творчества.

Въ Бурносе своего въ Угалии, оны съ особенной
любовью занимался народною поэзіею. Плодомъ этого
изученія были ряды стихотвореній, написанныхъ
разными и въ духе народныхъ поэтическихъ
произведеній. Это были „Ризуртели“, „Окзави“ и „Сек-
сими“, выполненные съ немецкими похвалками,
тоже преемъ сонеты. Въ произведеніяхъ зрѣла явилъ
любя земной любви и красоты природы. Знакомъ,
съ во восхвалками изобразилъ его издали
два сборника, подъ заглавіемъ „Oestliche Rosen“ (Восточ-
ныя розы, Лейпцига 1821 г.) и „Ghaselen“ (Тазели), въ
которыхъ оны искусно сумели подготавить подъ
характеръ восточныхъ стихотворцевъ? Вскорѣ послѣ
этого какъ Роккерге издали „Восточныя розы“, въ
которыхъ сборникъ оны перевели Тарифа, оны
изобразили въ „Liebesfrühling“ (Весна любви) чубуво
этого времени, когда оны были женихомъ. Угалии,
этого сборникъ поэтическихъ произведеній Роккерге
явилъ любя вѣнцовой, посвященныя преимущественно
изъ бразненію любви: несконечно увлекающія
мелодіи, раскрывающія глубоко оны сердца,
несконечно восточныя посылы, гиперболическія

У Оны перевели и Тарифа (арабскаго поэта, жившаго въ 1068—1138)
въ книгѣ Превращенія Абу-Сайда (Die Verwandlungen des Abu-Said
von Serid.) т. II. Stuttg. 1826. Новое изд. 1837 г. 2 томъ. То же подъ
заглавіемъ: „Die Nakenen des Hariri“.

по наплыву кубов, собирающихся в возлюбленной
 всей земной красоте, и рядом с этим многому,
 этой игре и звона ридов, как у ильды минне,
 зингеров XIII столетия. Орудья судоустройства около
 здесь с полновинной соевы; но в Пезежеской Сивы,
 это дозволительно и число произведений сроду почти
 сплоти в образном отношении. Теме намекаешь
 однажды в „Диване“, что необходимо целый мир
 роз для одной единственной склянки розового
 масла. Малочисленныя *Lili-Lieder* (Песни о лилии)
 Тезе, камедь, заключают в себя целый мир тайной:
 „Весна любви“ (*Liebesfrühling*) Гоккерга содержит
 обобщиные песенки с ридом роз, но в них
 много проникающего аромата, который можно бы
 было извлечь из них при должном приговоре.
 Но даже и в ильде, лучшей лирической поэзии —
 песни вошли именно в зорь сборника „Весна любви“.

Тораздо живее ^{конечно} просаешь нас, в целом, собрание
 сонетов „*Amaryllis*“, которое возникло уже в 1812 г.
 и относилось к капризной дочке графини
 цика, которую звали собственно *Marcellis*. Зное
 мы находим то, чего напрасно ищем в „Весна
 любви“, сцену, действие и характеристики возлюблен-
 ной, слово, французский слог, озадаченный
 слог сизми, а не одно лирическое перебивание
 изъезжено в порошок, а рядом с переполнен-
 ным сердцем и зворнеким умом и силой. Лучшая
 судоустройство Гоккерга надо, пожалуй, искать между
 самими корозками, между прибавлениями к „*Ama-
 ryllis*“, между сизмианками, ризурнедами, герверо-

Фришманн, это незначительный и часто срого распр.
 доллениый объем обозначивает художественную
 законченность.

Гюккерр написана еще многообразием символов, ^{символов}
 отличающихся широтой и ясностью воззрений, меж-
 костью мысли и прелестью формы. Указу лишь,
 напр. на его исполненное души поэзию, *Aus der*
Jugendzeit (^{с юности, с юности} ~~со-младенчества, со-младенчества~~ ^{иногда} ~~иногда~~ ^{зв.}
 изъ юности.) Гюккерр воспроизвел крутой и
 характерный отрывок из индийской поэмы, Мага,
 Баразы, *Kal und Damajanti. Indische Geschichte. 1828.*¹⁾
 Доказательством гужою его понимания существа
 и характера произведений поэмы народов поэмы
 служат издания иль в немецкой переработке
 сборник китайских народных песен, подъ за-
 главьем, *Schi-King. Chinesisches Liederbuch* (Ши-Кинг.²⁾
 Книга китайских песен. Амстердам, 1833.) Гюккерр
 ни слова не знала по-китайски и мог пользоваться
 для своего жрда только плохими латинскими пере-
 водомъ китайского подлинника, жаль не менее
 подъ перомъ Гюккерра произведений эти получили
 силу и жизнь. Но это можно сказать и о переведен-
 ной иль с индийского поэмы, *Kal und Damajanti*.
 Дальше Гюккерр воспроизвел одну из интерес-
 ных эпизодов, *Rusehen und Zorab* (*Rostem und*
Schabab. Dvolangen. 1837г.) персидского эпоса, *Шахнаме*³⁾
 Абдуль-Казимъ-шанзура, названного Фридрих (г. е.
 Байсаго).³⁾ Еще с индийской поэмы воспроизвел
 Гюккерр, *Savitri*³⁾ и издамъ в переводе арабских
 народных песен *Kamasa oder die ältesten arabischen*

1) *Kal und Damajanti* перефразирована предплана Шукровскимъ.

2) Сл. полное название этой поэмы, *Rusehen und Zorab*
 Шукровского.

3) Лейпцигъ, 1839г.

Volkslieder, Stuttg. 18462. Сладше по содержанию „Мудрость брахмана“ (Die Weisheit des Brahmanen. Leipz. 1836-9), состоящая из множества притч, притом и моральных сентенций, связанных однако одним общим характером. Шоккерр по, связав воедино все это воедино на изложении „Мудрости брахмана“, которые одни из кристиков служат лучшим дидактическим произведением немецкой поэзии, а другие, напротив, махают, что слава поэта скорее выиграла бы, если бы он не писал зретьго, любви, и т. д. И это и другие нравы до извращенной сепе, неми, так как действительности эта „Мудрость“ моста, ни блещет некрами нежинной поэзии и второе все, производя дуть индийской философии, а с другой стороны, прочесть все это воедино ей под-рды - труд весьма серьезный.

Фридрих Шлегель уже искал мур в Индии; его брат Вильгельм и другие посподовали за ним с большею обогорженностью изучением; Фосифр Там, мери (Joseph von Hammer-Purgstall), продолжая начина, ний Гердера, познакомил немцев с персидской, арабской и турецкой поэзией; Шоккерр мери по его следам и пользовался его митыми указаниями, но привлечь также индийскую, еврейскую и даже китай,скую литературу в ту область, которую он мастерски владел как переводчик. Кажется, что Восток и запад были литературно завоеваны, и самый зруд, ний мезритский фронт, рислы и ритмы удавались на языке, который его мур мази едва справлялся с александрийскими сдвигами и долготами били при,

воезвобавъ Тохмеда, какъ шекланного законодателя.
 Роккеръ былъ не только замечательный лирикъ,
 но и отличный дидактикъ и эпикъ. Еще прежде
 поэмы „Мудрость Брахмана“, онъ написалъ прекрас-
 нѣйшую дидактическую поэму, какая только су-
 ществуетъ въ новой поэзи — „Универсальный указатель“.
 Ф. Шерръ, въ своей „Истории всеобщей литературы“, оу-
 зываетъ объ этой книгѣ въ слѣдующихъ словахъ:
 „Въ этой глубоко-мысленной книгѣ, въ самыхъ
 сладкихъ звукахъ, выливается убѣжденіе, что чуж-
 кое, чуждое, чуждое въ мировой жизни, не имѣетъ
 ни права, ни даже воли ронзаться на то, что оно чуж-
 раетъ какъ конечное, тогда, случившееся безконеч-
 ность въ одно, сдѣлалось вытѣснить“. Не только
 удачны воезвобавъ баллады Роккеръ, сюжетъ ко-
 торыхъ нѣтъ замечованы, но переработаны вполнѣ
 самостоятелно. Они издали въ 1837 г. подъ заглаві-
 емъ: „Moenchskloster von Luzern und Giffelberg“. 2 тома,
 Мюнхенъ. У Коза Фридриха Роккеръ надолго по-
 селился въ чудесный воезвобавъ сфранцезъ, козъ
 онъ неутомимо переводилъ и обрабатывалъ, и своего
 содѣлательную философию изложилъ поэтически какъ
 „Мудрость Брахмана“, ^{диалекто} то все-таки онъ написалъ
 и удачны баллады, сюжетъ которыхъ взятъ изъ
 содѣлательной родины, изъ Швейцаріи, какъ, напр., „Барба-
 росса“ и „Kind Hottin“ (Дитя Роча). Въ послѣдней ма-
 сшерскій изобразилъ картину швейцарской германской
 жизни, геройскія подвиги, воспоминающае
 многократно о Ниделунгахъ и обработана по старому
 англійскому разсказу. Это поэта — повесть дала менѣ

У Ал. у Терберъ: „Булгарское посольство“, „Хизгеръ“ (Хазръ).

поэт, на до озвучається Роккердъ тьмного:

«Тьмного, когда на голосъ свой
Въ сердцѣиъ модѣиъ зыи видѣиъ созвучья —
Тьм не вѣснѣиъ модѣиъ тьмной,
Но земной тьмной тьмной тьмной.

Загнѣиъ-то тьмной не дано
Тьмной въ тьмной наслажденѣиъ,
Но въ каждой тьмной зыи зыи
Тьмной скорби и тьмной тьмной. (М. Крешевъ).

Роккердъ модѣиъ озвучиваетъ природу олицетворе-
тѣиъ; но ему доступнѣиъ не грандиозное, а тьмное,
домашнее, благодумное, сказочное. Тьмной вѣснѣиъ
параллели тьмной природѣиъ и тьмной тьмной,
и тьмной полуратѣиъ начало тьмной. Но тьмной
комбинациѣиъ соблазняетъ его къ тьмной обильно-
му накопленѣиъ образѣиъ, не тьмной тьмной въ тьмной
донцкаеиъ въ тьмной тьмной тьмной тьмной,
тѣиъ тьмной тьмной тьмной и тьмной тьмной тьмной
для него тьмной образѣиъ, тьмной что, по
слованѣиъ Тьмной, тьмной при тьмной тьмной тьмной
все въ тьмной; они тьмной соединяетъ тьмной
отдаленнѣиъ тьмной, у тьмной тьмной и тьмной в тьмной,
тѣиъ тьмной тьмной тьмной и тьмной тьмной тьмной
тѣиъ тьмной тьмной тьмной тьмной тьмной тьмной.
Особенно характернѣиъ для тьмной Роккердъ тьмной,
созвученѣиъ, У Дверей. Приведу его:

«У Дверей Тьмной я долго тьмной:

Въ тьмной тьмной тьмной изъ тьмной тьмной
У тьмной тьмной не тьмной къ тьмной тьмной.

Такъ много народу горнилоя гать.

Судался я въ заловы, гдѣ Слава шиветь;
Сказали: „зи поше — не озворимъ ворожа!“

Многъ слышалъмъ сзоты подѣ кровлей Трудя —
И сзрамно войжи показалося зуда.

Подрель я по стору дашъ Снасъя исказъ:
Никого многъ дороги не мотъ указатъ.

Однотъ озаеда многъ долника генеръ:

Туда поузразъся поуроду въ дверъ —

И воруно, хозъ многъ въ мотилотъ поезей,
Мандеръ мотерехко многъ дотному въ пей. (М. Кудайловъ)

Что касаетъ до оригинальности произведений Поккерца, то самое слабое изъ нихъ — его драмы: „Saul und David“ (Савль и Давидъ, Дрлангенъ, 1843 г.), „Herodes der Grosse“ („Иродъ Великий“, Штутгартъ, 1844 г.), „Kaiser Heinrich IV“ („Императоръ Генрихъ IV“, Франкфуртъ, 1844 г.) — это самая лучшая изъ его драмы и, наконецъ, „St. Christophers Colombo“ („Св. Христофора Колумбъ“, Штутгартъ, 1845 г.); но относительно оригинальности лирическихъ произведений Поккерца, въ свое время очень популярности въ Германіи и теперь не забываютъ, поэты сами дава очень удачною характеристикой собою особеннаго таланта въ слѣдующихъ строкахъ:

Geist genug und Gefühl in Hundert eigenen Liedern
Streu ich wie Duft im Wind, oder wie Perlen im Gras.

Hat sich in einem Gebilde es vereinigen können, ich war' ein
ganzer Dichter, ich bin ein zerplitterter nur.

Какъ благоуханія по воздуху, какъ жемчугъ по травѣ
разсыпано я доизаочно чина и кубежа въ созданія
поети и поэтовъ. Колумбъ и сзурителъ соединитъ все это

в одну прозвучавшим, а были бы усталый поэт,
а затем в зольско обломки поэта".

В лирике Фоккерра можно проследить поете,
немное развитие, новое человека, очень характерное
для негориз его времени. В первую свою прозв.,
бедендиде (не сиза, конечно, патристическими ит.,
сень, итень за освобождение) Фоккерра, как чисто-
кровоный романтик, воспеваеъ аскетизмъ и квизизмъ:
Блаженны души, никогда не покидавшия неба. Жизнь
его изгнание; лучшие люди срезидеъ какъ можно
скоро сброеъ съ себя ея оковы; любовь къ Богу, еху,
иначе сказаъ, къ идеалу еху единственна въра,
единственна добродетель, единственное сокровище
человка. Къ этому ^{религиозному} периоду относидеъ его поемы, какъ,
напр.: „Adventslid“ (Твоемъ времени призовлеидеъ
къ Рождеству Крису: „Dein König kommt in niedern
Hüllen“ — Твой царь ходитъ въ низкой одежде), или:
„Bethlehem und Golgatha“ (Видлеимъ и Толоа). Эта
поема оканчиваеъ словами: „Dass er in dir geboren
werde, Und dass du sterbest dieser Erde Und lebest ihm,
nur dieses jor Ist Bethlehem und Golgatha“ (Томъ
онъ родитъ въ тебѣ, и томъ же умретъ для тебя
и живи ты для него, да, это — имя Видлеимъ и Тол,
гоа).

Поэты Фоккерра начинаеъ находить радость
въ жизни: весна, молодость, любовь, даже вичо еху,
повдидеъ земани его вдохновения.

Но и на этомъ они видершиваеъ недолго, въ
его судьба начинаеъ звучать болше серьезная нота.
Фоккерра воспеваеъ семейную жизнь и ея радости

и скарсает развить в вдаловь немецкомь обзиреть
понятие о долге гражданства.

Въ произведеніяхъ послѣдняго періода его жизни,
когда онъ между прочимъ сочинилъ Kindertoten,
Lieder (Погребальныя песни для дѣтей, или: Дѣтскія
погребальныя песни), все чаще и чаще слышится
грустная нота, гдѣше сраживуся его фривольность,
но убѣжденныи обозначены природы онъ скарсает
до послѣдняго момента своей жизни.

Главное достоинство Фоккерра — конкретность,
усвоенная имъ въ знаменитой картѣ оръ возрост.
ныхъ образцовъ, и оригинальное соединеніе чужда
съ разсудкомъ, тесной лирики съ дидактикой, дѣше
отчасти происходящее съ возростомъ, но восточномъ
схаль замечается Фоккерръ именно потому, что
въ немъ сакомъ много возростного: это — натура
спокойная, склонная къ созерцанію, одаренная
замышленно плодотворной фантазіей; образы, имъ
создаваемые, гдѣто плывутъ передъ нашими глазами,
ли, какъ полусонная видѣніи возростного меч-
тателя, который дремлетъ подъ утомъ своей пали,
ны, прислушивается къ журчанію немого фонтана,
Зана.

Фоккерръ представляетъ совершенно особую
сторону немецкаго романтизма, гдѣ сказка, возрост,
но-этнографическую, гдѣе не раздѣляя всѣхъ
основныхъ принциповъ Брехте Шлегелей, онъ
съ готовностью принялъ имъ поощреніе: ех отите
люб, отнесивать себя эту область, и, подготовивъ,
шлетъ къ обработкѣ ея гдѣе гдѣе утѣнаго, Звильствѣ

въ ней поименно Хозяиномъ, онъ посравнилъ себя за,
 дачу: чубовъ и немецкой, а черезъ ней и европейской
 литературы возмочную поэзію и мудрость и не по,
 нить ее безсознательно. Такими образомъ въ главной
 части своей дѣятельности отъ скора. Является про,
 должителемъ дѣла Гердера и поэта, Западно-восточ,
 наго дивана, именно Тѣе, съ которыми у него много
 общаго и въ характерѣ, и въ мировоззрѣніи, и даже
 въ литературныхъ приемахъ, гдѣмъ гисѣмъ рокамби,
 комъ. Проккеръ неосновательно нехуено владѣлъ
 немецкими стилями и изъ этого, повидному не
 особенно глбокаго матеріала мѣнилъ все, что хо,
 зѣлъ: онъ употреблялъ рѣдкіе всякіе виды, асо,
 нации, аллитерацию; онъ обновилъ самыя трудныя
 разборы словъ и синтаксисовъ, ввелъ въ немец,
 кій персидскій газель (двучислія изъ длинныя
 сѣловы), санскритскія шлоки, капризные араб,
 скіе макамы и т.д.

Проккеръ въ одно и тоже время и наименѣе
 національный поэтъ между немцами и немецкій
 поэтъ какъ excellence: онъ за персы, за итальянцы,
 за индусы, за французы; но въ этой способности чево,
 лвать себя чужое и воспроизводить его, прибавляя
 нѣкоторую долю немецкаго благоумія и вдумки.
 воеди, согласивая французски и шероловагоуди, и
 видѣть кризисы національному немецкому герцу.
 Человѣкъ XIX столѣтія, Проккеръ изъ всей природы
 душе всего знаетъ новаго человека: жизнь цѣль,
 зовѣ ему гораздо больше понятна, нежели жизнь са,
 лоновъ и парламентовъ.

Но и у Роккерга Бивароу „spinae inter rosas“,
 „шипы между розами“, довольно подкий выходовен
 прозривъ современнаго политическаго вѣзвѣи: недаромъ
 перешли отъ разогарованіе 20-ль годовъ, недаромъ
 сиззались отъ позоръ и пророкалма.“

Еще догу коснуцца микоходомъ Коллина и
 Шлегелана и нѣсколко друидъ ^{меліе} (мало, вазимивъ по,
 зговъ згозо сие направленія).

1772 - 1811. Терривъ-Фосифъ Фронъ-Коллинъ (v. Collin) роуиетъ
 въ 1771 или 1772 г. въ Браунъ, училетъ закъ сие право,
 вадтонію, съ 1795 г. отъ была пракзикантъ, съ 1802 г.
 секретаремъ придворной предвудной комиссїи, за,
 закъ (отъ была) надворникомъ совѣтникомъ и по,
 сталованъ дворамъ зовомъ; умеръ 1811 г. — Фохзирески
 Коллинъ образованъ изученіемъ древнидъ и
 лессина. Вдохновеннаи драматъ Шиллера, отъ
 написанъ мѣкозоривъ уряди по древнидъ сюзне,
 закъ въ сиззъ Шиллера, но безъ гениальности
 Шиллера. Болше извѣстивъ его драматъ: „Regulus“ (Бер.
 мивъ, 1802 г.), „Coriolan“ (Берлинъ, 1804 г.), „Poluxena“
 (закъ сие и зого сие года), „Die Horatier und Curiatier“
 и мѣкоидъ друидъ. Драматъ „Poluxena“ отъ написана
 съ Корали, по образцу древнидъ, но самымъ славнай
 трудъ его — „Regulus“. Терривъ-Фосифъ Фронъ-Коллинъ
 писалъ и романа и лириескии сиззозворенія. Между
 послѣднимъ, Козоривъ по его сиззрзи собранъ его драматъ
 Магзеи Фронъ-Коллинъ (Вѣна, 1812 г.) самымъ извѣстивое
 Баллада „Einige Mähr auf dem Chastinswund in Tyrol“.

И Полное издание его произведеній въ 15 томахъ, Франкф. 1867 и слѣд.
 О немъ см. Вейер: R. Leben u. Aufführung. 2.oe изд. Кобуръ. 1862. —
 Fortlage. R. und sein Werk. Frankf. 1867 г.
 Volklinger. Rückert-Studien. Gotha 1878.
 Ср. Blaze. Revue d. d. h. 1845, т. I, 326 и слѣд.

Это творчество Rudolf von Habsburg не окончено. Къ миру, какъ воины за освобождение принадежности Т. Ф. ф. Коел, мнѣ своимъ последнимъ воина (Варшавский вѣстник, Вена-Віена, 1809). Полное издание его произведений (въ 6 томахъ, Вена, 1812-1814 гг.) составлено его братомъ Карломъ (жившимъ съ 1779-1824). Кроме Каселли (J. F. Castelli) Joseph ф. Коелли одинъ, съвѣстной поэмо-мысленный поэтъ этой группы, и много, щий болѣе знаменит.

Фридрихъ-Албертъ фонъ-Штейнманъ (Steigemann) род. 1763-1840. въ 1763 г. въ Фридратенъ въ Укермаркѣ, учился въ Галле правовѣдѣнію. Сначала онъ шло въ Кеммербергъ, а съ 1806 г. въ Берлинъ въ разныя должности, съ 1816 г. поэмалованъ въ дворѣ и умеръ какъ тайный сраженій соотечественникъ въ 1840 г. — Онъ призывалъ къ школьн. Рад., мера, писать оземское судили, въ погорѣ онъ силѣнъ и уащренъ. Его военныя поемы (Крѣпостной фронтъ иль въ форте 1806-1807, Берлинъ 1814 г.), съ дополненіями (Галле 1816, 1818), содержатъ дикій, иллатонцій гнѣвъ на осрамленіе — позоръ Германіи и не осрамленъ въ свое время безъ вліяній — безъ двойствія. Позже онъ появились въ сборникѣ „Historische Zerstörungen in lyrischem Gedichte“ (Историческія воспоминанія въ лирическихъ стихотвореніяхъ, Берлинъ 1828 г.) и поэтически ^{описывающаго} озражающаго несоразсодвѣзія войны за освобожденіе. Наконецъ „Zerstörungen an Elizabeth“ (Воспоминанія объ Elizabeth, Берлинъ 1835 г.), это — сонета къ его жене и оръ его женою. Они оземлаютъ какъ красозой фроры, замъ и поэмалованъ чужезвѣ.

Если мы теперь, м. г., еще въразнѣ обозрѣваемъ нами пройденный періодъ поэтова — пѣвца войны за

2004

освобождение, за нас вступила, что еще 1806 до 1815 гг. поэзия, озерное стихотворство не прерывается, а в 1813 и 1814 гг. достигло своей вершины. Алмаз фронты - Армия печаль, но и знойно военный прусский поразил. Теория - Фридрих фронты - Каминга издали (в 1809 г.) австрийский поэтический воева (, Hechtmanndieder'). Фридрих Шлегель воева: , Да будет мое сердце и моя кровь посвящены знойно спасению, мое озерство'. Теория фронты - Клейстер воева безразлично поставил в уяснении, бурный слова. Барон Фридрих де-ла-Мур Фрукс написал (в 1812 г.) военную поэзию для добровольцев сурьков: , Шиво в веселую погоню' (, Fuch auf zum frolichen Jagd') Макс фронты - Менкендорф, мягкий лирика, полный филолог, следила за событиями в петербургском озерстве. Фридрих - Август фронты - Шлегель, законные прусские как Армия, Клейстер, Фрукс и Менкендорф, но сильное Менкендорфа и уморенные Клейстера, напо, ликаль за Раймера, за Шиллера, но вперед озерство озерство поэзия своим озерство горестивой оде. , Броненосные сонеты' (, Zerknirschte Sonette') Фридрих Роккер не раз предавали зрудности ривны, его военная поэзия и военная насильственная и хвалеликая поэзия напрасно опирались на народную поэзию: глубина содержания врывалась туда, где поэзия была сила и озерство; и рядом с прекрасными поэтическими глазами мысли несовершенства мысли или фронты. Но Теодор Коккер был поэзия и герой, озерство было рядом из Дрездена, но сразился и умер в Мозовском озерстве озерство. Это озерство было друзьями Шиллера и Теодор воева в поклонении Шиллеру.

Они стали идеальными, как Анкет Пикколомини.
Они жили в настроении Орлеанской Девы: ничего не
сфальсифицируя народ, который с радостью не отдаст все
за его честь. "Что неизбежно, свято, религиозно хоро-
шо, если не борьба за отечество?" Но все-таки его и его
создательницей превзошел Фридрих-Вильгельм Фридрих сво-
ими видениями и во рту и в душе и в сердце. Они как
раз как в прозе, так и в стихах обходились
целью за сердце, за совесть.

В сравнении войны за освобождение отечества
и писатели-поэты Шмюльце и Тугендхейм.

Фридрих-Конрад Фр. Шмюльце (Schulze) род. в 1789 г. 1789 - 1817.
в Целле, учился в Гейнгоме с 1802 г. Был как и его возлюбленная Цезилия
приват-доцентом классической филологии, ^{сказки как его возлюбленная Цезилия} <sup>умерла, до нее по-
шла в поэту и</sup>
в 1813 г. в добровольные стрелки; умер в Целле
в 1817 г. - Шмюльце сочинил самый большой ^{романтический} ^{наконец}
благородный: "Cäcilie im 20. Jahrgang" (Цезилия в 20-
летнем возрасте). Также между прочим ^{необычайные} ^{различные} карьеры
сравнений. - Далее: "Die weiße Rose" (закапавшая роза),
это - глубокомысленная ^{в зрелом возрасте} ^{поэма} сказка, полная
мистицизма и совершенства. Это сродни творениям поэмы
большой мистицизма, мистицизма и мистицизма звука.
Наконец его "Puschke" (1807 г.) это - греческая сказка по
образцу Виланда.

(Теодор) Людвиг (Теодор) Тугендхейм (Tugendheym) 1792 - 1873.
родился в 1792 г. в Мирове в Мекленбурге-Стрелицке,
учился с 1812 - 1815 гг. в Берлине и Трейрсвальде фило-
логам, участвовал как волонтер в войнах за
освобождение (с 1813 - 15 гг.); с 1816 г. был старшим
учителем гимназии в Штеффине, с 1852 г. старшим

учителей и профессоров той же гимназии, в 1848 и 1849 гг. во Франкфуртском парламенте; умер в Женеве близ Швейцарии в 1872. — Неудачно его эмбриональное изображение. Оно не удачно во змее, скотом изображении, они разложили эмбриональные в отдаленной мурманской карзине наэрозия, которая, ни оно произвело хорошее впечатление. В своих произведениях Тугендхарт больше всего очень серьезны, иногда юмористичны, но всегда они прозой и серьезны.

Позднейший этап борьбы за освобождение продолжался в борьбе между студентами и гимназиями (Тюбинг); далее революционная неподданность Тюрингенского союза, чешского союза отменили серьезнее в бурменштадтских, гениальность (Kraftgenialität) семидесятилетия годов XVIII ст., история прозира образована в динезвиль. Къ этой группе принадлежали поэты принадлежали братья Фронле, Вицеви, Фронле-Тинцлер и Машманн. Карл Фронленгер (1795-1839 г.г.), италийский мурманско-эрозия мурман, он скончался при походе на озеро Эри в Америке, (К. Фронленгер) написал свое великое произведение ("Grosses Lied"), где произносится клятва: "Nie ruht dies Schwert, bis jene Fürsten und Väter, Zwingeren und Knecht' und vernäthet deckt Nacht und Tod" (Демонстрация не продолжится до полной победы, пока враги и земля не покроются змеем властителей и озером, зурманов и радом и измученников). Йоханн-Фердинанд Машманн (Machmann, 1797-1874) писал, "Turner Ziel'n froh dahin"; Август Фронле-Тинцлер²⁾ писал, "Kosst an, Jena soll leben!" Но бурменштадтский был вектор уми.

+) Aug. Adolf Ludwig Follen (1794-1855)
и Karl Follen

1), "Horchet auf, ihr Fürsten! Du Volk, horch auf!"

2) с 1793 до 1868 г.г.

отношения и Бунцера были генералы ему следовало: „Wir hatten dabei ein schattes Haus“ (мы возглаголи пре-красный дом). Друзья некальбурго, но поэмы не менше известны в первый раз были в Женеве 26 ноября 1819 г. при закроем Бурманштадта, угрози. домного в Женеве в 1815 г.

Озголоски романцики

или же романцика после войны за
освобождение!

Характеристическое слодующей - новой группы по-этова, продолжавших романцику после войны за освобождение, создала в Боннеме безпристрастия, со козором они придерживались поэтическимъ началомъ (элементомъ) романцики и чинили изъ виду загарьмное отношение къ государству и церкви, отдавалъ негодному-невинному-просодическому звор. теслу. Самые выдающиеся поэты группы романциковъ: Мамиссо, Вилхендорфа, Вегинусь Кернеръ, Уландъ, Аноллеръ, Миллерманъ, Гейнрихъ Тенге и многие другие. Это- все поэты-писатели ^{конечно} новой Германии.

Первый изъ нихъ, Мамиссо, во многихъ отноше- нияхъ двлелъ двуличнымъ Анусомъ: онъ французъ, до 10-ти-летняго возраста не знавший ни слова немецки, и вое время воемъ немецкимъ писателемъ, но, немецкимъ не только по языку, но и по велику складу мыслей; онъ и поэтъ и естественный языкъ; онъ ари-стократъ по рождению и демократъ по убеждениямъ; онъ горячий романцикъ и вое время адина изъ первыхъ поэтовъ „молодой Германии“ (Jung-Deutsche Land).

и враги романцики.

1781-1838. Модовица-Карло-Аделаида де-Шамиссо де Бонкур
 (Louis Charles Adelaide de Chamisso de Boneourt) — только,
 прежде фамилия называлась его Хамиссо, между прочим
 какъ другіе утверждали, что дарение имени не пер-
 вою, а не на второе слово имени — родился въ
 1781 году въ родовомъ замкѣ Бонкура въ Шампанси,
 какъ настоящій французъ по происхожденію. На
 второмъ году революціи семейство Бонкура эмигриро-
 вало, и его замки были разрушены до основаній;
 маленькій девяти-лѣтній Шамиссо, неожиданно
 попавшій изъ бѣгства въ Бѣлмоузъ, не могъ полу-
 чить правильного образованія, и родители его были очень
 рады, когда ему удалось присоединиться къ двору
 прусскому, какъ разъ Шамиссо былъ принятъ въ
 Берлинѣ въ число камеръ королевы. Въ 1791 году,
 поети она была съ 1796-1798 г. Позомъ она поехала
 въ прусскую военную службу (съ 1798-1802 г.) и драматъ
 прозвѣ Франціи. 17-и лѣтъ она была уже офицеромъ
 прусской арміи и вынужденъ была какъ разъ сражаться,
 съ прозвѣмъ озерсхва, куда родители его вернулись
 еще въ 1801 г. Крайне желаясь жить, она въ 1806 г.
 подала въ озерсхву, пожелавъ присоединиться, уезжая
 во Франціи; въ 1810 г. она была назначена профес-
 соромъ въ Наполеонвиллѣ, но намъ реванше утративъ,
 не соединяется. Такъ какъ Шамиссо никакъ не
 удалось присоединиться во Франціи, то она решила,
 съ наведѣя пожелавъ въ Германию. Слало-бытъ, она
 вернется въ Германию, поубеждавая, что она была
 для него болѣе озерсхвомъ, чѣмъ родная земля.
 Тамъ же и теперь она оказалась еще утративъ въ войнѣ

У его озеръ была Louis Marie de Chamisso, Vicomte d'Ormont
 и посылъ 1792 года — Lieutenant Colonel aide de camp du
 Marechal de Broglie.